

Елена Александровна
Асеева

Коло Жизни. Средина

Том первый

Елена Асеева

**Коло Жизни.
Средина. Том первый**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Коло Жизни. Средина. Том первый / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

Третья книга тетралогии произведения «Коло Жизни. Средина» расскажет о дальнейшем пути и взрослении юного божества, Крушеца. И вновь сменились времена, прошли тысячелетия. Человечество окончательно извратило знания о создании планеты, изменило имена богов, утратило дарованные белоглазыми альвами и гипоцентаврами традиции, учения и верования. Впрочем, сама Земля продолжает оставаться под пристальным вниманием богов и их созданий.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	34
Глава седьмая	41
Глава восьмая	48
Глава девятая	53
Глава десятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Коло Жизни. Средина
Том первый
Елена Александровна Асеева

Я есть истина.

AD GUREY NAMEH

JUGAD GUREY NAMEH

SAT GUREY NAMEH

SIRI GURU DEV NAMEH

Мантра.

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Теперь многое начало вставать на свои места. Меня все же порадовало, что обращаться к врачам не стоит. Ибо, во-первых, я их и так с детства не люблю, а, во-вторых, вынесенный ими диагноз будет, скорее всего, не рак, а шизофрения. С какими-то паранойяльными галлюцинациями не только слуховыми, но и зрительными. Словом, как я вычитала в вездесущем Интернете, этап который обозначает параноидальный, и возможно галлюцинаторно-параноидальный вариант бредовой шизофрении, что вело меня уже не в онкологическое отделение, а папахивало психиатрическим.

Однако, при всем этом у меня продолжали наблюдаться присущие раку симптомы. Почасту происходила рвота не связанная с приемом пищи, тошнота была, похоже, непроходимо постоянной, а головокружение вне зависимости от положения тела. Никакие обезболивающие или сосудистые препараты не снимали головную боль. А порой мне казалось, зрачки мои внутри глаз бегают из стороны в сторону, при том голова оставалась в неподвижном состоянии. Самого этого бега, если не глядеть в зеркало я не замечала.

Хотя видения, вернее сказать воспоминания (ибо я была уверена, что это приходили именно воспоминания, которые чередой струились чрез плоть, нервы, сосуды, артерии, жилы) наполнили меня изнутри какой-то теплотой, она возникает лишь при встрече с близким человеком, повидаться с коим уже давно жаждалось. И разве могут быть бредовые галлюцинации такими связанными, разумно выстроенными. Я уже не говорю о тех, кого в них видела, наблюдала, с кем соприкасалась, и что испытывала, ощущала, чувствовала.

Нет! Вне сомнений сие не было болезнью, не важно, рак, или только шизофрения. Это было нечто иное, правильно мною подмеченное воспоминание... вельми, как я ощущала важное воспоминание.

По большому счету я никогда не чувствовала в себе какой-то особенности, неординарности, ума или тем более талантов. Была, быть может несколько излишне гордой и упрямой... Ну, и, конечно, любознательной. Впрочем, не отличалась от иных своих сверстников какой-либо яркой исключительностью.

Да и жизнь моя мало чем разнилась с жизнью тех людей, что проходили мимо меня, иноредь только соприкасаясь рукавами рубах. Про таких, как я можно сказать масса... серая толпа, а может даже и месиво. Хотя, наверно, не стоит употреблять это прилагательное – серый. Оно мне, кажется, вообще не достойно человека. Не важно, заведена его жизнь звездой или только блеклым порождением... в смысле планетой.

Право молвить, иногда я чувствовала в себе какую-то особую замкнутость, желание побыть в одиночестве, прислушаться к себе или бессменно любоваться ночным небом, к какому всегда чувствовала безответную тягу. Но, вероятно, это единственное чем я была отлична от людей, почему-то воспринимающих ночь... тьму, как что-то отрицательное и тягостное.

Жизнь моя обобщенно протекала довольно спокойно. Не скрою, одначе, что родители мои почасту ссорились, недопонимая, недолюбивая друг друга, подозревая даже в мелочах, стараясь не уступить, а, непременно, взять вверх над ближним, что в итоге привело к разводу. Каковой я, конечно, как и всякий ребенок, тяжело переживала, ибо на тот момент мне было тринадцать лет. Через несколько лет попеременно, то примиряясь, то сызнова расставаясь, родители сошлись. Они постоянно втягивали меня в свои бесконечные передраги, жажда, чтобы я нашла меж них правого и виноватого. И если бы не бабушка, мать моей мамы, самый близкий и родной мне человек, я б возможно еще тогда тронулась умом.

Вероятно, эти ссоры и подорвали мою нервную систему, и я стала часто психовать, что, впрочем, не доходило до больниц или врачей, а было только во мне... точнее со мной. И выливалось горячими слезами в подушку и просьбами в пространственную темноту, наконец, все

это прекратить. Тут можно припомнить слова Бога Седми когда-то сказанные Владелине: «порой исполнения мечтаний оборачиваются против того, кто так вожделел их свершения».

Точнее нельзя молвить, не зря ведь это сказывал сам Бог.

Я закончила школу, когда мои родители, возвращаясь, домой с дачи, попали в аварию и погибли.

После этого я поняла... На самом деле у меня не подорвана нервная система. Она у меня точно паяная из металла, всего-навсе покачнулась и осталась стоять нерушимой стеной... стеной.

Наверно поэтому, спустя время я и начала искать своего Бога. В том нуждалась, как я думала, моя душа или правильнее сказать только мой мозг.

Тогда как-то враз все совпало...

Я выросла в атеистической стране, обществе и семье. И когда основы этой семьи не стало, а осталась лишь бабушка... когда моя страна кардинально изменила свой курс, я решила найти себе опору.

Опору...

А что такое опора?

Это защита, поддержка, основание тебя.

Очевидно, это костяк твоего естества или молвить лучше становой хребет, который не позволит согнуться... сломаться.

Только вера, та самая которую я искала, своими постулатами, убеждениями гнула меня еще сильнее. И под тем полусогнутым изгибом, я, как-то незаметно быстро повзрослев, схоронила бабушку, вышла замуж и дождалась моего сыночка.

Все помню, так сильно его желала, что не раз гнула спину под изразцово-украшенными, изображениями божественного лика, сводами храмов.

Сына я получила, но только не от Бога, а от мужа, когда он все же соизволил излечить свою болезнь.

Определенно, я бы вновь вернулась к атеизму, к отрицанию существования Бога. Поелику мне как человеку, весьма трепетно относившемуся к справедливости, стало сложно понять отношение Творца к своим детям, по исповедуемой вере «каждый миг приглядывающего за всяким чадом»... Из этого постоянного наблюдения Бога за человеком вытекало какое-то странно наплевательское, равнодушное отношение его к страданиям, горестям слезам тех, кого он величал своими детьми аль в простонародье рабами.

Несомненно, я бы вернулась к атеизму, к отрицанию существования Бога. Пусть и медленно, но верно. Ступив туда, откуда дотоль вышла. Словно свершив круг... коло собственной жизни и умозаключений.

Однако, нежданно я заболела... А заболев, стала видеть собственные воспоминания и с тем просмотром степенно прозревать, освобождаться от страхов и домыслов, что воспитало во мне общество и существующая, точнее наново набирающая мощь религия.

Я поняла очень многое. Не только в творение этого мира, не только в появление тех или иных мифов о необычных народах, племенах, созданиях, но и самое главное, осознала, каким образом человек отвел себе право думать, что Бог неотступно наблюдает за каждым из нас. Тогда мне часто вспоминались слова Огня: «Людские и полулюдские племена должны уметь сами разрешать свои тяготы, исправлять несправедные поступки, улучшать жизни близких, оно им даровано Зиждителями. Однако людям проще вознести прошение Богу и ждать... ждать его милости, чем действовать самим. Да только, милая моя, Зиждители слишком заняты, чтобы обращать внимание на каждый стон». Так он говорил Владелине про одноглазых ориков, очевидно, имея ввиду и сам человеческий род землян.

Думается мне, человеку присуще желание быть центром Земли, как говорится «пупом Земли». Так ему возможно слаще ощущать собственную уникальность, избранность, неповто-

римость, обобщенно не имеющую ничего под собой, кроме как завышенного самомнения. Так, видимо, человеку и человечеству проще оправдывать пакостные действия, разрушающие красоту этого мира и чистоту людского мозга того, что составляет его основу.

И теперь стали понятны мудрые слова Господа Першого сказанные когда-то в векошке Есиславе : «Посему для человека важна сама жизнь, в данном теле он и является личностью, существом, созданием... Второго шанса не будет, другую жизнь не получится прожить, ибо ее не будет... Искра, та самая, которая когда-то дала толчок к бытию, не будет содержать в себе его суть, абы не есть естество... не есть душа... Человек должен жить в данный момент времени, когда рожден, когда он есть и может осознавать себя личностью... Осознавать свое- Я! Он должен жить согласно вложенных в него кодировок и прописанных Богами законов, а именно наполнять свое бытие любовью, трудом, семьей, землей и радостью».

Мудрые слова.

Мудрые, потому как сказаны Богом, Зиждителем, Господом, старшим в роду Небожителей. Они словно отпечатались во мне, а скорей всего отпечатались в самой Есиславе, посему и были такими ясно наполненными.

После гибели родителей, смерти бабушки, которая всегда была моей поддержкой, я боялась смерти. А после поняла, смерть – это всего-навсего продолжение... продолжение не для людей почивших, а для тех, кто остался жить. Продолжение моего пути, стала смерть не только близких, но и моя, и это мне удалось осознать после всколыхнувшихся во мне воспоминаний.

Наверно поэтому свою последнюю потерю, смерть моего сына Богдана, я смогла принять. Принять так, что иные сказали «у нее нет души».

Да в целом они были правы. У меня, как и у других людей, не имелось души.

А по Богдану я тосковала долгие недели, какие-то бесконечные, забываясь, только тогда когда приходили воспоминания.

Они являлись густой стеной и будто кадры из кинофильма прокручивали передо мной третью жизнь моего естества...

Глава первая

В зале маковки четвертой планеты стало ноне много светлей. Четвертая планета, как и многое иное, что окружало землян, днесь имела величание. И это величание также многожды размножилось (как и все чего касались мысли людей): Красный Гор, Куджа, Мангал, Лахитанга, Нергал, Веретрагной, Вархран, Бахрам, Арес, Марс, Орей, Яр.

Связывая эту планету с Богом Войны, кровожадным, злым, аль вспять могутным, люди вкладывали в данное именование или свой страх, или уважение... почтение... у кого как. Одначе, как и сама планета, так и находящаяся на ней маковка с обитающими там живыми созданиями и Богами, совсем теми мыслями и названиями не интересовалась. Их если, что и занимало, так столь долгий, протяжный срок, меж жизнью Есиславы и нынешним временем, в котором Крушец так и не вселился в плоть... то ли испытывая, таким образом, терпение Родителя, то ли ища что-то надобное токмо ему одному.

Меж тем в большой четырехугольной зале с зеркальными стенами, и ровным сводом нынче не зрелось фиолетовой его поверхности. Долгие полотнища ярко желтых пузырчатых облаков плотно затянули потолок по всему полотну и насыщенно освещали поигрывающей зябью мерцания само помещение. Своим легчайшим покачивание, пучащихся по всей глади объемных пузырей, они придавали и черному полу густое волнение, словно по той глади перемещались крупные пежины света, изменяя собственный цвет на нем в серые полутона. Облака с особой лучистостью отражались от зеркальных стен и колыхались в поверхности тахты помещившейся посередь залы.

Все это зябкое шевеление и насыщенность, вроде дневного света, располагала к покою. Не то, чтобы к сонливости, но, однозначно, к умиротворению... К состоянию, когда наслаждаясь степенно льющимся теплом и сиянием, можно, задумавшись, отвлечься от своих обязанностей, огорчений, а может и горестей. Эта несколько необычная для мрачных помещений Димургов обстановка была создана Вежды нарочно для Седми... Седми, первой лучице, за которую он соперничал и Зиждителя которого любил, может даже сильнее младших Димургов.

На широкой, низкой тахте без спинки и подлокотников, напоминающей слегка вдавленное в центре дно озера, покрытой сверху глянцевитой, рыже-огнистой тканной полстиной, подстраивающейся под изгибы фигуры возлежащего на ней, поместился Седми. Он, как и положено, лежал на тахте на боку, чуть-чуть прикрыв очи, впрочем, оставив тонкие щели, сквозь кои просачивался сероватый туман его мышастых очей.

Бог был высоким, сравнительно худощав, узок в плечах и талии. Однако, вместе с тем Седми имел идеально правильной формы тело, руки, ноги и голову. Сквозь тонкую-претонкую, молочно-белую кожу заметно проступали оранжевые паутинные кровеносные сосуды, ажурные нити кумачовых мышц и жилок. А сама кожа подсвечивалась золотыми переливами света. На красивом, с прямыми границами и вроде квадратной челюстью, лице, находился вздернутый с выпяченными ноздрями нос (сказывающей о порывистости и своеволии его носителя), кораллово-красные с полной верхней и тонкой нижней губы, едва прикрытые прямыми, пшеничными волосками усов. Такими же пшеничными, короткими, прямыми были волосы Бога и борода. Замечательными смотрелись глаза Раса, со слегка приспущенными веками, по форме напоминающими треугольник, где радужки также имели вид треугольника, цвет каковых менялся от блекло-серого до мышастого. Порой радужная оболочка и вовсе становилась темно-мышастой, аль почти голубо-серой с синими брызгами по окоему, смотря по настроению Седми. В мочке левого уха Раса мерцали махие капельки бледно-синего сапфира усыпанные ее по всему окоему. Обряженный в долгое серебристое сакхи, весьма просторное и словно снятое с чужого плеча, по подолу и окоему рукава усыпанное крупными

сине-марными сапфирами, Седми ноне выглядел вельми бодрим. Несомненно, так сказывалась забота Вежды и всех тех существ, что наполняли маковку и были призваны исполнять повеления, некогда выданные сынам Господом Першим.

Зеркальная стена внезапно пошла подвижной малой рябью и из нее выступил, войдя в залу Вежды. В отличие от Раса Димург казался не только высоким, но и крепким в стане и плечах, про которого можно было сказать «статный Зиждитель». Его черная кожа, как и у иных Богов, отливала золотом, и сквозь ее тонкую поверхность инолды проглядывали оранжевые паутинные кровеносные сосуды, еще более ажурные нити кумачовых мышц и жилок. Погато-уплощенной смотрелась голова Бога, поросшая мельчайшими, точно пушок завитками курчавых черных волос. Прямоугольной формы лицо Димурга с четкими линиями, где в целом высота превосходила ширину, завершалось угловатым острием подбородка. Тонкими, дугообразными были брови Господа, крупными с приподнятыми вверх уголками темные глаза, широким и с тем несколько плоским нос, а толстые губы изредка озарялись почти рдяно-смаглыми переливами света. У Вежды, как почти и у всех других Димургов, не имелось волосяного покрова на лице.

Старший сын Господа Першего был одет в красную рубаху и укороченные белые шаровары, на бедрах и щиколотке собранные, точно под резинку. Стан Бога стягивала золотая бечевка в тон тонкой кайме украшающей подол, проемы рукавов до локтя и горловину рубахи. Золотыми казались и сандалии обутое на ноги, сомкнутые по всей подошве, с загнутыми носами, и укрепленные на лодыжках златыми тонкими ремешками. Удивительным смотрелся венец Зиждителя, где по коло головы пролегал широкий белый обод твореный из серебра и напоминающий мельчайшие переплетения тончайших волосков шерсти. От того обода вверх поднимались три широкие платиновые полосы, основу коих составляли нити один-в-один, как паутинные волоконца сходящиеся на макушке и единожды окутывающие всю голову. Из наверхия тех полос ввысь устремлялся узкий, невысокий столбик на коем располагался схожий с человеческим, глаз. Окутанный багрянными сосудами и белыми жилками с обратной стороны, впереди он живописал белую склеру, коричневую радужную оболочку и черный ромбически-вытянутый зрачок. Глаз представлял собой сплюснутый сфероид, каковой иногда смыкался тонкой золотой оболочкой, вроде кожицы, подобием двух век сходящихся в центре едва зримой полосой.

Как и иные Димурги любившие украшения, Вежды был роскошно ими увенчан. Серебряные, платиновые и золотые браслеты поместились на его руках от запястья вплоть до локтя, крупные перстни на перстах, широкая плетеная в несколько рядьев серебряная цепь на шее. Серьги и проколы усыпали мочки и ушные раковины Господа, где мерцали крупные камни василько-синего сапфира и фиолетового аметиста. Не менее крупные почти черные сапфиры по уголкам прихватывали очи Вежды, самую малость делая их раскосыми.

Зиждитель, войдя в залу, недовольно оглядел ее, и, остановившись взором на лице Седми, слышимо вздохнул. Еще толика того негодования и черты лица его также резко сменили досаду на благодущие. Димург с теплотой прошелся взглядом по всей покоящейся фигуре брата, и, двинувшись к тахте, негромко молвил своим бархатистым баритоном:

– Крушец вселился.

– Вселился!? Когда? Кто? – несмотря на присущую Богам медлительность торопко выдохнул Седми и широко раскрыл очи, где треугольной формы радужки мгновенно приобрели голубо-серый с синими брызгами по окоему цвет.

Он также резво приподнялся с тахты, и, облокотившись о ее поверхность локтем, подпер ладонью голову.

Вежды между тем рывком очертил правой рукой вокруг себя коло, и этим мановением придал движения раскиданным по полу залы небольшим пухлым комам желтоватых облаков. Комы срыву дернувшись, в доли мига свились позади Господа в единое, мощное месиво

с устремлено-усеченным навершием. Димург медлительно опустился на тот огромный клуб облаков, махом вогнувшийся и принявший облик кресла, с удлиненным ослоном, ровным сидалищем и пологими облокотницами.

– Давеча, – нескрываемо расстроено произнес Вежды, пристраивая руки на локотники. – Родитель сообщил, что малецыку, наконец, удалось скинуть с себя нимб, а после он вселился. Ну, надо же какой упрямец... Все это время в мироколище настойчиво с себя пытался скинуть нимб. Да и вселился, уже в ребенка... По-видимому, это все же его способности, потому как Родитель из кодировки сие убрал. Такая неприятность, такая...

– Что неприятность Вежды? – не менее беспокойно спросил Седми и на лице его заплясали огнями рдяные искры, точно жаждущие вспламенить саму кожу.

– Вселился даже не в младенца, – хрипло продышал Димург и сызнава вздохнул так, что тотчас затрепетала материя его одежды, и качнулся глаз в навершие венца, враз сомкнув и разомкнув веками. – А в ребенка. Помнишь, я повелел оставить чадо в живых. Бесицы-трясавицы еще сказывали, что у него вельми плохое здоровье? – Седми легохонько пожал плечом, будто двинув его вперед, тем выражая, что не припоминает. – Ну, не важно, – продолжил толкование Вежды, и, подняв руку с облокотницы, огладил перстами грань подбородка. – Я, зато, помню. Все никак не мог решить, как поступить. И надо же именно в него... Тогда Трясца-не-всипуха еще докладывала, что объем мозга у рожденного ребенка достаточно большой, а в целом все органы слабые, по кодовое развитие дало и вовсе не благоприятный исход. А я пожалел. Подумал, скольких уже отбраковали, этот пусть живет. А малецык точно того ждал... Неприятность какая... Родитель потребовал прислать отображение и обозрение по ребенку, представляю, как теперь будет на меня негодовать. Одно радуется, что мальчик.

– Мальчик, – много бодрее отозвался Седми, дотоль явно соперничая волнению Димурга, и благодушно улыбнулся. – Хоть, это благо, что мальчик. Жаль, конечно, что в слабой плоти, но может поколь следует изъять, и бесицы-трясавицы поправят плоть?

– Нет, – ответил Вежды и с особым волнением провел перстами по подбородку, вспенивая на нем прямо-таки всполохи золотого сияния, поедающего всю черноту кожи. – Родитель запретил. Сказал, что Крушец был в мироколище достаточно бодр, любопытен и скор. Сбоев за время движения не выявлено, даже не наблюдалось нечастых скачков, только желание сбросить нимб. Малецыку удалось разумно распределить накопленное за жизнь Есиславы, и посему ноне зримы формирования конечностей, и началось построение самого естества, покуда только начальный этап. Поэтому сейчас действуем, как замыслил Родитель, проявляем не вмешательство, только незримую заботу и поддержку. Не знаю, как на это не вмешательство отреагирует Крушец, ведь не зря так долго не вселялся, тянул до последнего.

Вежды замолчал и пронзительно воззрился на лежащего несколько диагонально Седми. И тотчас темно-бурая радужная оболочка с вкраплениями черных мельчайших пежин, не имеющая зрачков, в обоих глазах Господа, на доли мига точно сошлась в единую точку и погасла. И на Раса глянула желтовато-белая склера, сделавшая и само лицо Вежды на те мгновения безжизненно-потухшим. Димург явно прощупывал Седми, ибо как старший мог сие мягко и незаметно проделывать, особенно, коль младший находился без венца.

– Сейчас придет Кукер и все обстоятельно нам расскажет, – пояснил Вежды, возвращая своим глазам положенный вид. – Уж я не стал вызывать Трясцу-не-всипуху, повелел мальчику все выяснить и прийти обсказать. Да послал Отцу сообщение, чтобы прислали сюда марух Мора и иные надобные существа по общему догляду за Крушецом.

– Ты Отцу сообщил о Крушеце? – поспрашал Седми и просиял улыбкой, со зримой теплотой припоминая Першего.

Димург мотнул головой, его рука, дотоль оглаживающая подбородок, резко дернувшись, соскользнув вниз, перстами проехала по цепи огибающей шею. Большой палец Бога, словно

запав, зацепился своим кончиком за кольцо цепи и сдержал в том покачивающемся состоянии всю руку.

– Нет. Сообщил Родитель. Остальное передадут Трясца-не-всипуха и Кукер, – чуть слышно продышал Вежды, и плотно сомкнул очи. – Представляю, как Отец расстроится, что я не исполнил положенного им... – Бог резко смолк так, похоже, и не договорив, не в силах вымолвить, что по его жалости столь долгожданный Крушец наново выбрал слабую плоть.

И в зале повисла глухая тишина, чудилось не только Зиждители окаменели занятые своими мыслями, окаменели и полотнища облаков в своде, перестав пучить по своему полотну пузыри. Видимо, прошло достаточное время, али это пролетел токмо вздох живого создания, когда Вежды качнул головой и тотчас поместившийся на невысоком столбике в венце глаз вздрогнул. Уловимый трепет пробежал по багряным сосудам, белым жилкам, купно опутавшим его с обратной стороны, а в передней части глаз сжал до вытянутой полосы черный ромбической формы зрачок, единожды сузив и окружающую его коричневую радужку... тем движением точно, что-то передавая Богу.

А считай минуту спустя в залу, сквозь зеркальную стену, пустившую и вовсе тончайшую круговую рябь, вошел Кукер, представитель рода кострубунк и споспешник Зиждителя Седми.

Кукер был малого роста, едва превышая человеческого ребятенка десяти-одиннадцати лет, хотя с тем крепкого сложения. Все тело, руки, ноги, как и сама голова, по форме напоминающая колпак, сужающийся к навершию, густо поросли короткой, курчавой черно-белой шерстью. На плотно укрытом шерстью лице просматривались два больших ярко-желтых глаза да круглая дырка вместо рта, края которой огибали сине-сизые длинные усы. На самом лице не имелось лба, скул, аль подбородка, понеже оно казалось вельми плавно-закругленной формы. Мышцастыми были четыре руки кострубуньки, и широкими грудь, спина да плечи из которых зараз по две они и выходили, не менее крепкими, плотными ноги. Обряженный в укороченную красную тунику, едва прикрывающую стан, и без рукавов да такого же цвета шаровары, Кукер был обут в короткие желтые сапожки с загнутыми кверху носами, украшенными по подошве мелкими рубинами. На серебряной, широкой цепи, огибающей шею, поместился почти с кулак, овальный бело-черный самоцвет. Он, удивительным образом, вобрав в себя два эти цвета, перемешал их на своей гладкой, ровной поверхности единожды выказывая каждый в отдельности.

Кукер торопливо вступив в залу, преодолел расстояние меж зеркальной стеной и Богами, и, остановился, как раз напротив кресла и тахты, таким образом, чтобы его было хорошо видно, да склонив голову, недвижно застыл.

– Итак, милый мальчик, – протянул Вежды, и, отворив правый взгляд, его мощью словно поднял похожую на колпак голову кострубуньки, воззрившись в покрытое шерстью лицо создания. – Сказывай, что и как, да по точнее... как я люблю.

– Слушаюсь, Господь Вежды, – бойким и единожды насыщенно грудным голосом отозвался Кукер, исправляя свою спину и зыряка своими ярко-желтыми очами единожды на обоих Богов. – Ежели позволите Зиждитель Седми. – Рас легонько кивнул. – Распоряжения ваши, – также живо продолжил Кукер. – Господь Вежды выполнены. Отосланы отображения и обозрения Родителю, Господу Першему, Зиждителю Небо, Зиждителю Дивному, Богу Асилу. По поводу вселения лучицы и состояния здоровья господина, из пояснений Трясцы-не-всипухи следует. Мальчику семь с половиной месяцев по земным меркам, достаточно слаб здоровьем, наблюдается хрупкость таких органов как легкие, сердце, почки. Хотя на это раз достаточно здоровый мозг, с большим объемом. Вселение произошло вельми грубо так, что плоть зримо пострадала, наблюдается ожог слизистой носа и обобщенно кожи в подносковой выемке. По-видимому, лучица была чем-то взволнована, аль может огорчена. Господин назван родителями Яробор, что значит яростный борец. – Голова Кукера каждый миг тряслась, вторя сло-

вам, точно желая своей исполнительностью их подтвердить, а вместе с ней колыхалась шерсть на всем теле. – Однако, это имя не полное. По традициям народа, в котором родился господин к тринадцати годам, ибо он принадлежит к касте воинов, пройдет второй обряд имянаречения. И к величанию Яробор добавится имя, оно будет отражать внутреннюю или внешнюю сущность человека. Семья, в которой родился господин довольно-таки большая. У родителей господина еще пять сыновей и четыре дочери, все взрослые. И в отличие от господина крепкие, здоровые. Господин родился последним, так как родители его в годах. Они уже и не ждали появления ребенка, хотя вельми были рады его рождения, очень трепетно и заботливо относятся к сыну. Семья живет в общине, далеко от поселений, градов людей, потому что верует не так как большая часть белого населения, живущая вокруг их пределов, сохраняя своих Богов, верования, традиции.

– Не понимаю, почему в такую худую плоть? – теперь разочарованно спросил Седми, и, шевельнувшись на тахте, улегся на спину, таким побытом, чтобы не видеть своего споспешника.

Бог сомкнул губы, и на лице его изобразилось огорчение. Днесь он был младшим и мог позволить себе слабость не только в словах, но и действиях.

– Несомненно, не просто так, – не менее бойко отозвался Вежды, да отворив и второй глаз, подался с ослона вперед, пронзительно и беспокойно вонзившись взором в изменяющееся лицо Расы. – Крушец ноне связан с землянами лишь плотской общностью Владелины и Есиславы, а следовательно может вселяться только в их физических отпрысков. Однако, будучи божеством сам выбирает родителей, перед вселением прощупывая их. Вроде болида он проносится над теми, кто есть генетическое производное его естества, мгновенно оценивая их мысли, чувства, поступки. В данном же случае он не только прощупывает родителей, но, похоже, и естество мальчика. Вероятно, сейчас все совпало и приоритеты плоти, и суть его родителей, раз Крушец вселился. Наверно Кукер родители нашего мальчика необычные люди?

– Отец – старшак общины, мать- знахарка, – незамедлительно принялся пояснять Кукер, его глаза доколь смотрящие на обоих Богов (правый на Вежды, а левый на Седми) резко дернувшись усталились на Димурга. – Это одна из тех немногочисленных общин, которая еще называет Богов правильно. Славит имя Зиждителя Небо и помнит Господа Першего. Помнит, право молвить, несколько по-иному. Впрочем, упоминает имена истинных Творцов. Большая же часть населения проживающего в пределах этой местности и вовсе имеет какого-то выдуманного божка.

Глава вторая

Многочисленно живущие днесь, когда дорогой Богам Крушец вселился в человеческую плоть, люди, не важно отпрыски Есиславы, Владелины, не ведомо кьметинцы али ирайцы (оних, как и было указано Господом Першим, позднее вывели соответственно из Африкии и Дравидии, Южной области Азии, и переселили в часть света ноне величаемую лишь как Старый Мир) составляли раздробленные куски некогда единого белого народа, дарийцев. К данному промежутку времени все эти обломки народов сформировали свои национальности, верования, традиции, языки. И теперь на огромном пространстве континента, что раньше назывался Азия, а нынче только Старый Мир, жили разнообразные национальные меньшинства, крупные народы, малочисленные племена, некогда единых не только белых, но и желтых, черных людей. Также неспешно, под влиянием гибели Дари, разобщенности и возвращения белых из Африкии и Дравидии к северным территориям, некогда соседствующим с исчезнувшим континентом, не только мирным, но и насильственным путем изменялись верования и уклад жизни белых. Как-то и вовсе возникло новое течение, позднее названное религиозным учением.

Сначала в виде отдельных фрагментов исповеданий, вылившееся со временем в мощную секту... Секту имеющую свои традиции, постулаты религиозного учения, разнящиеся с общепринятыми, чаще всего образованную определенным человеком или группой людей. Не ошибемся, если скажем, что искусственно созданная, таким побытом, религия будет нести в себе определенные взгляды на сотворение самого мира, человека и всего живого в нем, а осуществлять только единственную цель, предоставлять власть одним людям над другими. Потому чаще всего религии возникают в правящих кругах, и степенно, так называемо мирным путем, или вспять рывками, мечом и плетью, спускаются... навязываются простым людям.

В начатках любого вероисповедания лежат духовные убеждения древних праотцев, прадедов, прашуров, тех самых которым вера даровалась истинными Творцами: Дажбой, Темряем, Усачом. Однако со временем изменению подлежали не только мысли, традиции, но и имена Богов. Религия... любая религия, созданная человеком, стремилась всего-навсе к одному подчинить, покорить низшую прослойку людей, абы ими, как более многочисленными, стало проще управлять. Вытягивая при помощи оброков, дани, барщины, сборов, налогов больше усилий, денег для тех, кто находился на значимо высшей ступени, и с тем создавая для себя материальное... лишь материальное благополучие.

В основе нового течения, которое теперь называли ашерская религия, по имени главного божества Ашера, легла вера в его искупительную роль. Считалось Бог, вернее Господь Ашер, своими святыми поступками возместил грехи людей и даровал им после смерти духовную, счастливую жизнь в Чистых Чертогах. То есть верующий в Ашеру избирал путь служения Господу, самолично отрекаясь от всего падшего, греховного, отрицательного как внутри себя, так и в царящем вокруг него мире. Отказываясь от плотского удовольствия, гордыни, тщеславия, борьбы, избирая путь смирения и безропотности перед посланными испытаниями. Ашера следил за движением каждого поступка, мысли, слова отдельно взятого человека, абы после смерти послать человеку либо Чистые Чертоги, либо очищение в горящей преисподней. Вне всяких сомнений Ашере помогало в том множество разнообразных его подручников светлых и чистых людей достигших Чистых Чертогов, а также приставленных к каждому человеку божественных вестников.

В данной религии, постепенно завоевавшей большую часть Старого Мира, ибо она несла в себе неисчерпаемые блага, как самим ее служителям, так и прикармливающимся при нем правителям: императорам, царям, королям, кесарям, князьям, существовал и тот, кто был порождением отрицательной силы, точнее являлся злом. Ответственность эту возложили

на Лукавого, который все время мешал Ашере в борьбе за души людей. Лукавый толкал людей на неправедный, творящий злобу, греховный путь, уводящий от добра и Бога. Имена истинных Творцов в данной религии были напрочь забыты, а если где и употреблялись только в обозначении демонических существ Лукавого. И не всегда там прилагались имена Димургов, к удивлению чаще Расов. Поелику именно с этой верой вела свою войну ашерская религия.

Лесики. Одно из течений старой веры которое все еще помнило имена своих истинных создателей. И пусть их знания в процессе той борьбы стали слегка исковерканными, все же они ведали, что Небо – Бог Творец Солнечной системы, а Дажба – их Дед Создатель. Хотя и здесь Перший сызнова выступал как Бог иной, противной стороны, ноне ведущий под своим стягом ашерскую религию, разрушая их основы и традиции. Вера лесиков была напоена красотой леса в глубинах каковых они и проживали, где ощущалась собственная хрупкость в сравнении с могутными дубравами, безбрежными рощами и гулким колыханием листвы, вызывающей легкие мотивы песнопений. У лесиков значилось многобожие, однако, каждая из сохранившихся общин почитала определенного Бога, неся его имя в своей груди и на устах.

Лесики никогда не имели слугителей, так как сами, общим своим числом людей, возносили дары Богам, воспевая им славу. Старшим из Богов у них чтился Родитель, Отец Небо и, как ни удивительно, Першего. Хотя воочию не было и намека в верованиях, что эти Боги есть братья-близнецы, и что старший из них Перший.

У Бога Небо имелись сыновья. Старший из них Седми, покровитель животворенного огня, посредник меж Богами и людьми, выступающий в виде небесного посланца семиглавого крылатого, огненного пса. Воитель, Бог всех воинов, защитник родов от темных сил, Громовержец управляющий молниями. Дедом лесиков считался Бог-солнце Дажба, оный ежелетно возрождаясь после сна, оживлял землю, даровал новую жизнь растениям, деревьям, цветам, ибо сместившиеся много севернее потомки Есиславы теперь имели четыре времени года: весну, лето, осень и зиму... Зиму, где в морозные, снежные месяца грудень, просинец, лютень раскидывая сугробы, снега заметая метелями правил Стынь... Стынь то ли Бог, то ли дух, то ли сын Першего, то ли Асила... Асила и вообще теперь именовали как Волопас, и значился он Богом скота, земледелия и мудрости. А все потому как Волопас каждую ночь выгонял стада звездные в небеса. В честь этого Бога кликали и созвездие Волосожары. Жили Боги в Небесных Чертогах, там правили и приглядывали за людьми, хотя не следили за каждым шагом человека, давая возможность жить и избирать токмо ему желанный путь.

Средь Богов были почитаемы и Богини, а как же без них... матерей, жен, каковые прудлевают божественный род. Почитаемой Богиней у лесиков считалась Удельница та, что ткала удел человека, и являлась Богородицей, справедливой Богиней счастливого жребия судьбы. Удельница также была покровительницей ткачества, рукоделия, потому особо почиталась женщинами. Богиня Любовь, Мати Земля, Богиня Весны и Лета, считались помощницами своих мужей и одаривали людей положенными только им дарами. У лесиков также слыл почитаемым Бог Ярило покровитель весны, любви и всех земных духов, божков. Созданий менее значимых в божественности и помогающих людям: мавок, берегинь, лебединых дев, шуфов.

После смерти лесики уходили в Луга Дедов, что лежали обок Небесных Чертогов, ожидая будущего возрождения. Те же, кто не жил древними традициями отпраплялись в Пекол, мир, где правил Перший... Бог именно Бог Перший, с супругой своей кою именовали Смерть, Мара, Мора. Помощниками Першего значился Бог Вежды тюремщик злобных душ в Пеколе и множества демонов, бесов, нечисти, чертей. Нежить и злые духи, жившие на Земле подле людей также изводили, вредили и наставляли на дурные пути, к ним относили лесики: бесиц-трясавиц, злыдней, керечунов, караконджол. Почему-то совсем истерлось имя Господа Темряя, точно его и не было в летописи традиций. И вообще, коль приглядеться, становилось понятным, что в свой срок изменено-ущербные верования лесиков, впоследствии трансформировавшись, и явили миру ту самую противную им религию ашеров.

Кстати Бог Дивный и сын его Словута в поверьях лесиков отошли на второй план, и упоминались туманно связанные с каким-то лунным путем, по которому после потопа пошли к̄метинцы и ирайцы, одни пришедшие из земель Африки, другие из южных земель Азии, Дравидии. Эти народы, в мале принявшие новые величания лутичи и тивирцы, долгие столетия мирно соседствовали бок о бок на землях Старого Мира, пока не стали принимать ашерскую веру и вести меж своих родов кровопролитные войны. Хотя если говорить о Дивном и Словуте порой их имена упоминались как ассоциация с Богом ночного неба и Богом воинов, степенно и вовсе растерявших собственную суть. А Огонь теперь стал не Богом, а лишь символом начального огня зародившего любовь меж мужем и женой, то есть новую жизнь.

Почти истерлись даже у лесиков знания о переселении землян с планеты Зекрой, о гибели Дари, о гипоцентаврах когда-то подарившим к̄метинцам и ирайцам новый календарь, письмена, знания о планетах и знахарстве. И такие народы как гомозули, белоглазые альвы, энжеи стали только волшебными племенами, детьми Богов, кои в стародавние времена жили подле, а посем, вследствие Великого Потопа на Земле ушли в горы, подземный или иные миры. Что и говорить, если даже духи, которые выпестовали предков землян, теперь значились волшебными существами управляющими стихиями, природными островками. Живущими подле, помогающими, но коренным образом изменившимися и свой внешний облик, и в целом функции.

А ашеры пошли еще дальше приравняв духов к злобной нечисти служащей Лукавому.

– Да, – глубокомысленно протянул Вежды, во время долгого сказа Кукера облокотив об ослон не только спину, но и голову, и дотоль ни проронивший, ни слова. – Не мудрено, что бесценный наш Крушец вселился в эту плоть. По-видимому, не смог найти лучшего, коль у них там такой сумбур в верованиях. Чья эта ветвь? – спросил он кострубунку.

Кукер резко дернул всеми четырьмя руками дотоль повислыми повдоль тела и наново склонил свою колпаком голову. Он медлил совсем немного, точно припоминая, что-то аль ища ответа в своих многочисленных знаниях. Нежданно порывчато колыхнулись в овальном бело-черном камне, вставленном в серебряной, широкой цепи огибающей шею, цвета и вроде как принялись перемешиваться. Зримо стали проступать яркие белые, или ядрено черные пежины на почти сером его полотне. Легкий сизый дымок легохонько закурился обок камня, мощнее и быстрее вспенивая на нем цвета, выбрасывая в разные стороны тончайшие, сквозные, синие всполохи на коих поблескивали белые крупинки. Еще миг того цветового пляса и камень дрогнув замер и тотчас застыли и цвета в нем, четко и ясно разграничив справа черный, а слева белый. Споспешник Седми днесь вскинул голову, и, уставившись своими схожими со звериными очами на Димурга, торопливо молвил:

– Это прямая ветвь второго сына Ярило, Осириса. Потомков, которых по вашему Господь Вежды распоряжению и вывели из Африки. По мере своего движения к̄метинцы распались на множество ответвлений, селились в разных местах западной, южной и северной Азии, или, как сейчас величают эту часть света, в Старом Мире... Те же, что всегда шли основной ветвью остановились на территориях соседствующей с народом Бога Асила аримийцами и стали величаться лутичи, по названию реки подле которой поселились. Их верования считались самыми древними идущими от праотца Бога Ярило, в народе прозванными лунными. Так как самого Ярило считали не только внуком Солнца, солнечным Богом, но и потомком лунного Бога. Прямая ветвь Осириса долгое время являлась правящей на землях лутичей и берегла основы веры, где на равных употреблялись имена Господа Першего и Зиждителя Небо. И это продолжалось вплоть до затяжной, Великой войны с Аримией и сотворения позднее великочтимого мира принесшего новое летоисчисление. Порядка тьмы времени назад, когда сродники прямой ветви Осириса стали распространять ашерскую религию, предки господина вели войны, отставивая истоки веры, уже право молвить несколько изменившиеся. В тех междуусобных войнах

победили представители ашерской религии, именно потому как много раньше предки господина позволили и одобрили изменения в древних, лунных верованиях принятых от Ярило, сына госпожи Есиславы. Лесики, не соотносят себя с кьметинцами, позднее лутичами, что вышли из Африки, али ирайцами, позднее, тивирцами, пришедшими с Дравидии, лежащей за Аримией. Сейчас считают себя отдельной ветвью, принявшей новое имя лесики и сохраняющих старую веру. Похожих на лесиков остатков лутичей, тивирцев берегущих истоки веры в части Старого Мира еще не мало... Есть даже отдельные укрупненные территории под их началом. И то, что выбрала для вселения лучица, не есть самое лучшее, хотя коль судить по генетическим связям к прежней плоти госпожи ближайшее. Эта община, где днесь проживает господин, находится в соседстве с Нурманнским княжеством, представителями которого и является ашерская религия, а сама старая вера у них находится под гонениями. Ашерские служители, во главе со своим Патером и каганом нурманнским Дмитрием Западным уничтожают людей старой веры и до сих пор ведут с их остатками войны. Неровен час и в леса, где живет община господина могут прийти латники, каковые во имя Ашера придадут огню любого, не важно женщина это, аль чадо.

Кукер закончил и данную не менее долгую речь, которую говорил на одном дыхании, точно затаив его где-то внутри себя. И только смолкнув, глубоко задышал через рот, ибо как и многие иные создания, не имел в себе лишнего... лишним в данном случае являлся нос.

– Это плохо, что жизнь нашего бесценного мальчика находится в опасности, – негромко протянул Седми, все еще лежащий на спине с закрытыми глазами. – Мало того, что не исполнили указанного Отцом и Крушец вселился в дурную плоть, так еще теперь и это. Совсем скверно... совсем... Вежды, – теперь высокий, звонкий тенор, с нотками драматической окраски Раса прозвучал низко и приглушенно, точно он устал от этих толкований. – Надо дать распоряжение, чтобы установили постоянный пригляд за мальчиком, его родителями.

– И думаю вообще большей частью территории, где проживает наша бесценность, – отозвался Димург, и, шевельнувшись в кресле, с беспокойством оглядел Седми.

Вежды вообще отличался особым волнением, почасту тревожился даже в мелочах. Постоянно переживал за младших братьев, не важно были ли это Димурги, Расы или Атефы. Сие его волнение усилилось особенно после произошедших среди Зиждителей бед, к каковым также относилась болезнь Стыня, и уход из печи Опеча. И теперь, когда более-менее нормализовалось все в состоянии Стыня, и в возвращение Опеча, Вежды переключил свои тревоги на Седми и Крушеца.

– Витрянников установят марухи, когда придут, – добавил Димург и успокоено оперся головой об ослон кресла, вероятно, оставшись довольным состоянием Расы. – А сейчас Кукер установи над мальчиком, его родителями и ближайшими сродниками лебединых дев. Распределишь присмотр за лебедиными девами на бесиц-трясавиц... На себя оставишь мать и отца, на меня самого мальчика. Только сделать это надо, как можно более тайно, чтобы лучица не заметила. Лучше ночью. Ты на Землю как попадаешь?

– На ногхе Господь Вежды, – бойко отчеканил Кукер, зная, что данный Бог любит четкость ответа и рывком огрел себя ладонями по лядьям, тем будто взбодрившись. – Как и всегда доставляли на Землю Керечуна, Коловерша и бесиц-трясавиц.

– На ногхе не сильно ли она шумит? – спросил Седми и лениво потянулся, его ноги не были обуты, а посему явственно зрелась их такая же сухопарность, как и всего тела Бога, тонкость белой кожи с проступающим на ней золотым сиянием и ажурность сосудов, жилок, мышц.

Кукер тот же миг дернул головой в бок и даже привстал на носочки сапог, желая узреть лицо лежащего на спине Бога, и вельми скоро дополнил:

– Доставка осуществляется на низких оборотах. Мы резко входим в атмосферу, подобно болиду и незамедлительно тушим все сигнальные огни. Не думаю, что нас видят или слышат Зиждитель Седми...

– И кстати Вежды, – в с той же вялостью в голосе отметил Рас, перебивая своего спешника на полуслове. – Не уверен, что Крушец не приметит лебединых дев. – Кожа его лица ярко зазолотилась, а растянувшиеся в улыбке губы неожиданно сменили свой кораллово-красный цвет почти на пурпурный, подсветив тем полыхание пшеничные волоски усов и бороды. – В прошлый раз Небо пришлось приставить к Есиславе Лега-хранителя, а после Отец установил беса. Так, что думается мне лебединые девы тут не помогут, и нашу драгость, все равно придется доставлять на маковку. Ибо я на Землю не полечу. – Седми резко поднявшись с тахты сел и уставившись в лицо Димурга еще сильнее засиял. – Понимаешь о чем я, уж больно мне хочется увидеть Крушеца.

Теперь в тоне Раса послышалась неприкрытая просьба, которую он направил к старшему... тому кто все это время, как и допрежь того, наравне с Першим его поддерживал, оберегал, и окутывал заботой.

– Думается мне, Родитель никого к мальчику не приставит, – мягко ответил Вежды и синхронно просьбе Седми засиял так, что золотой свет поглотил всю черноту кожи, придав Богам общность. – А если не приставит, значит, несомненно, его увидим. Ведь не заставлю же я тебя, мой бесценный малецык, отправляться на Землю. – Толстые губы Димурга выгнулись в улыбке и он слышимо усмехнулся. – Так, что погода увидимся. Одначе, поколь понаблюдаем и пускай Крушец зримо покажет не желание видеть лебединых дев над собой, абы Родитель о том ведал. И это его не желание будет нам с тобой на руку мой бесценный, милый малецык.

Глава третья

Маленький Яробор, как правильно сказывал Кукер, родился в большой семье, где старшие братья и сестры уже сами обзавелись супругами и детьми. И, конечно, приход, рождение младшего своего кровника, братушки, братки был воспринят членами всей семьи с особой радостью. Так как считали лесики, самой важной целью человека на земле является продолжение рода, а, как известно, продолжение осуществляется через рождение. И важное место в этой цели уделялось появлению мальчиков, так как именно мужская линия берегла родовую и генетическую информацию, заложенную их Дедом Дажбой и Отцом Богом Ярило. Считалось у лесиков, что лишь через мальчиков и передавались коды Светлых Богов заложенные в первых людях, а именно светлые волосы, глаза и кожа.

Поэтому лесики соблюдали определенные традиции, допуская браки только по обоюдному согласию. Накладывая запреты на сочетание со сродниками вплоть до девятого колена, с темнокожими и желтыми людьми. Хотя в Старом Мире встретить, как темнокожих, так и арийцев, для живущих в лесах лесиков не представлялось возможным. Этот запрет на межэтнические браки сохранился с тех самых пор, как Господь Вежды через Кукера передал его вещуну Липоксай Ягы. И запрет тот касался не столько грядущего, он на тот момент воспрещал брак между сыном Есиславы Ярило с темнокожей девушкой. Старшему жрецу тогда пришлось не просто донести данный запрет до обожаемого им мальчика и единожды фаРао Къметинского Царства, но и внести в обязательные постулаты веры и правления.

Однако и ныне, несмотря не пережитые так сказать катаклизмы потомков Есиславы и верований, те постулаты в лесиках жили, судя по всему, потому как были искусственно поддерживаемы существами приглядывающими за ветвью второго сына Ярило, Осириса. Ибо потомки старшего сына Ярило, Сета, как и троих младших, Гора, Китовраса, Анибуса, названных в честь великих учителей гипоцентавров, растеряв способность иметь продолжение в виде мужской ветви, степенно иссякли.

Впрочем, от многочисленной общины, что возглавлял старшак Твердолик Борзята, отец Яробора, да и живущих недалеко от них еще трех менее крупных поселений, сродники мальчика все же выделялись. И данное отличие определялось цветом их кожи. И сами общинные люди и даже мать Яробора, знахарка Белоснежа, разнились с Твердоликом Борзяткой и его шестью сынами тем самым цветом, поелику первые обладали белой, а вторые густо смуглой кожей. Во всем остальном потомки Осириса были, как и иные члены общины, русые, темно-русые, пшеничные, рыжие, белокурые и светлоглазые. Кому как даровали родители. Смуглый цвет кожи, как признак княжичей, властителей передавался на удивление лишь по мужской линии Твердолика Борзятки.

Когда-то прадед отца Яробора обладал, как старший в роду обширными землями в Старом Мире, там, где ныне правили нурманны. В его княжество входило до десятка крупных градов, множество поселений. Однако ближайшая его родня, сменив старую веру на ашерскую и воспользовавшись помощью соседних соперничающих княжеств, повела с прапрадедом Яробора войну, истребляя мечом, огнем все непокорных, отбирая земли, грады, селения.

Много позже в одной из кровопролитных войн прадеда Твердолика Борзятки убили, а юному его сыну пришлось, прихватив младших братьев и остатки преданных воинов, бросив на произвол судьбы княжество, бежать в леса. Возможно, этот уход совсем юного княжича в леса и предопределил водворение в землях лутичей и тивирцев новых хозяев нурманн и их ашерской религии. Погодя к ушедшим в леса лесикам присоединились еще люди, которых теперь правящие нурманны называли беглыми, староверами, старообрядцами с оными боролись латники ашерской религии.

Мать Яробора, Белоснежа, как и отец были людьми пожившими, которых почтительно величали пожилыми. Пышнотелая и высокая, она даже в возрасте отличалась миловидностью лица, крупными темно-серыми глазами и белокурыми слегка сбрызнутыми сединой волосами. Родив своего последнего мальчоночку, сынка и поскребышку Яробора, Белоснежа не чаяла в нем души, не могла надыхаться и насмотреться. Малыш словно прибавил ей сил, даровал вновь ощутить радость материнства, теплоту его крошечных губ на сосках, его близость на груди. Малец может именно потому как был последним, родился воочью слабеньким, худеньким иль недокормленным в утробе ее. Он был таким же смуглым, как отец и братья, хотя с месяцами, его кожа и вовсе приобрела золотистую-коричневу. Это случилось после болезни. Мальчику тогда едва минуло семь с половиной месяцев. Глубокой ночью Белоснежа и Твердолик Борзята проснулись от громкого вопля сына. Подскочившие к ребенку родители при блеклом свете лучины с трудом разглядели опаленные ноздри, подносовую ямку, верхнюю губу на лице мальчоночки. Да и по большому счету вся кожа на лице смотрелась покрасневшей. Яробор после той беспокойной ночи, и вовсе как-то резко сдал здоровьем, а причину появившегося ожога и вообще болезни его родители не смогли понять. Предположив, однако, что это так напакостили, какие злые существа, вроде нечисти, чертей аль нежити.

У Яробора были светло-русые с золотистым отливом волосики, как и понятно, тот золотистый отлив также появился в ночь после болезни, и стал с возрастом, словно выбиваться из-под самой кожи на голове. Волосики один-в-один, как у Твердолика Борзяты и братьев слегка курчавились, глазки голубые при рождении, к году приобрели зелено-серый цвет, а к трем и вовсе покрылись множественными, коричневыми вкраплениями, схоронив в тех пезинах всякую серость. Каплеобразное личико с годами стало более вытянутым, а дотоль сплюснутый, широкий нос приобрел выпуклую спинку и острый кончик. Широким был рот мальчика и полными, алые губы.

Яробор болел вельми часто до семи с половиной месяцев, а после и вовсе можно сказать, почти не выздоравливал. Потому его матери знахарке Белоснеже, чье имя означало чистая, белая, пришлось не только поить его всякими лекарственными, укрепляющими средствами, но и проводить обряды так называемые «перепекания младенца». Белоснежа тревожилась, что маханький поскребышек не набрал в ее утробе надобной силы движения, надобной для развития и потому проводя тот обряд, как бы рождала сына заново. Естественно, данный обряд проводился чаще до полугода, но Белоснежа решила провести его, когда Яробору исполнилось восемь месяцев, только бы помочь дорогому дитяти.

Проводился сей обряд рано поутру. Бабка, чаще более старшая возрастом, чем мать, женщина укладывала ребенка на хлебную лопату подносила его к устью печи, тем самым образно перепекая, изгоняя с него собачью смерть, коя предполагалось, обострилась после той страшной ночи в Яроборе. Только не этот ритуал, ни особый уход, не лекарственные средства не смогли придать мальцу положенной крепости в костях. А здоровья он набрался лишь по той причине, что Кукер по распоряжению Богов доставлял, как и понятно не ведающей о том Белоснеже лекарственные средства бесиц-трясавиц.

Мальчик при всем этом вельми поздно заговорил и также поздно пошел. Отчего его матери пришлось сызнава проводить ритуал, оный заключался в том, что меж ножек малыша клали метлу. Которую после распутывали с особыми словами, а прутья разбрасывали. Вся эта физическая ущербность Яробора, несомненно, была последствием того, что он родился у престарелых родителей, хотя с тем в хвори, как таковой плоти, был повинен и Крушец. То ли чем-то огорченный, то ли испуганный... Испуганный тем, что Боги теперь перестали проявляться открыто в его жизни.

Может потому, когда Кукер прицепил к мальчику лебединую деву, принялся и вовсе тревожиться. Совсем маленькое, не больше ладошки, сие существо, напоминало общим своим видом тонкие, паутинчатые сети, купно развешанные в некотором отдалении от головы ребенка

и имеющее очертание овала. Это были серо-голубые тонкие волоконца, переплетенные меж собой и сверху образующие точь-в-точь пухлые, расхлябанные облака, где края правильного овала имели отдельные бородки, схожие с перышками. В том едином дымчатом теле единой зрелось вплетенное, аль вспять выступающее тончайшее волоконце, едва колеблющееся не только самими нитями, но и облачными припухлостями. В навершие сего создания явственно просматривалось более плотное скопление хлопьевидных завитков, словно живописующих облик человеческого лика, плоского, и единой нарисованного, но даже при этом кажущего и объемные очи с пупырящимися внутри златыми огнями и вдавленную форму носа, и плотно сжатые губы. Перепутанные, витиевато закрученные волокна и то уже не только облаков, но и паутинчатых нитей изображали долгие, распушенные волосы по окоему тела.

И если вначале Крушец всего-навсе тревожился, а маленький Яробор вскидывая вверх руку, старался скинуть лебединую деву с головы. То погода Крушец однократно, но резко вскрикнул, тогда мальчик потерял сознание, а вместе с этим из строя была выведена лебединая дева, как потом пояснил Кукер Зиждителям «более не подлежащая восстановлению». Испорченное создание той же ночью сняли, и после Боги получили указание от Родителя приставить к мальчику Лег-хранителя. Однако, Лег-хранителя, как и беса, на столь дорогого всем Богам мальчика могли установить лишь Седми и Вежды, которые хотели общения с лучицей, а потому желали забрать ее на маковку. Обаче, абы не нарушить распоряжений Родителя, и не встревожить Крушеца перемещением на маковку, плоть нужно было вводить в обморок. Но делать это сейчас, в столь малом для Яробора возрасте, да еще и с таким плохим здоровьем Боги не решились.

Потому поколь за общиной приглядывали марухи, прибывшие из Галактики Мора, Весея, за местностью витрянники из Галактики Асила Геликоприон. А к самому мальцу было приставлено и вовсе удивительное создание, прилетевшее не из Галактики, а с космического судна, кааба, Господа Темряя. Кукер, как особо приближенный к Зиждителям и вельми умное создание, предложил воспользоваться верованиями лесиков и поселить подле мальчика так называемых ими духов: мавок, щуров, леших, полевиков, домовых. Существ, как считали лесики, населяющих не только мир вокруг них, но и основных их помощников. Существ, которых, как и ясно, в том понимание, что придавали им люди, никогда и не было, понеже существование они переняли от иных созданий, когда-то воспитывающих, обучающих не только предков белых, но и темнокожих людей.

Темряй находясь на тот момент в Галактике Димургов Быстроток на туюске весьма в короткий срок, как только старший брат о том его попросил, прислал свое создание... Создание. Сие было первое его создание... Как Дрема у Стыня... Ночницы у Мора...

Бабай, так звали прибывшее существо. Бабай не был духом, как ошибочно считали лесики, и уж конечно не являлся нечистью, куда соотносила его ашерская религия. Это был именно Бабай. Такое вот удивительное создание совсем малого росточка, верно не больше человеческого локтя, довольно-таки крепкого сложения. Бабай не имел привычного человеческого образа, больше напоминая деревянный чурбан, с одноприродным дереву бледно-коричневым цветом. Чудилось, что это сомкнули меж собой три ровные прямоугольные грани, основанием каковых с обеих сторон служили треугольники. На каждой из такой грани доходя почитай до середины прямоугольника, поместилось живописно вырезанное лицо, схожее с ликом Темряя, с длинным, мясистым носом, толстыми губами и выступающими вперед миндалевидной формой глазами. На лице также просматривались недолгие усы и борода, выпирающие надбровные дуги, несколько хоронившие под своей покатостью очи и с тем плавно единившиеся с лбом, прикрытым деревянными волосами, переплетенными с соседними волосами прилегающего к ним прямоугольника. Космы волос соединялись в плоском треугольном навершии, образуя там мощные плетения, однако при этом зримой оставалась каждая отдельная куделька.

Таким образом у Бабаев, созданных в небольшом количестве, и различаемых не только внешним обликом, но и величаниями на теле имелось сразу три лица, деревянно-неподвижных. Бабаев кликали двумя именами, к примеру Бабай Шустрый, Бабай Ловкий, Бабай Веский и так далее. Хотя коли говорить точнее, сами эти создания были сотворены не из дерева, а из иного материала, биологической основой которого служили все же растения. Это был так сказать очередной эксперимент Темряя, в коем помощь ему оказывал старший брат Мор, обладающий на то необходимыми способностями. Бабаи вообще чудились недвижно-окаменевшими, но сие было всего-навсего первое впечатление. На самом деле данные создания оказывались дюже поворотливыми, юркими, если не сказать гибкими.

Заканчивающиеся концы бороды Бабая плавно переходили в ребристую окоемку, после которой следовала гладь оставшегося деревянного тельца. На первый взгляд у этих существ не виделось ног и рук, но когда в них имелась нужда, конечности появлялись. И тогда из тех самых стыков тел, как раз обок ребристой окоемки, вытягивались три руки. Это смотрелись хоть и короткие, но крепкие, человеческие ручонки гнущиеся в локтях, запястьях, с широкой кистью и пятью подвижными перстами.

Таковыми же короткими и плотными были две ножки, которые не вырастали, они показывались, в морг, приподнимая, дернувшееся рывком тело. В сравнение с ногами столбиками, ровными и не имеющими изгибов, коленок и вообще признаков нижних конечностей, вельми удлиненными и ярко выраженными оказывались стопы Бабая. Повторяющие все изгибы людской стопы, только также как и у Богов, не имеющие ногтей. То место, каковое у человека прикрывалось гибкой, роговой пластинкой, у Бабая поросло пучками черной шерсти отдельно торчащей от соседних. Шесть глаз создания, попеременно вспыхивающие белыми, серебряными огнями, не имели радужки и зрачка, да были наполнены лишь одной переливающейся, меняющей расцветку склерой. Всяк миг они держали под наблюдением всю обстановку вокруг себя, подмечая все происходящее и мгновенно передавая не только информацию, но отображения на маковку.

Бабай обладал еще одной удивительной способностью не столько становиться невидимым для людского взгляда, сколько своим незатейливым деревянным обликом сливаться с бревенчатыми стенами жилища, тихонечко при этом посиживая в уголке лавки. Али просто внушал долго всматривающемуся в него человеку либо пустоту и собственное отсутствие, либо пугал человека им же испытываемым страхом, мгновенно считывая ту информацию с мозга. Обладая такими уникальными способностями, Бабай слыл очень послушным и сообразительным созданием, исполняя все так, как было указано Господом Вежды.

Бабая лесики упоминали в байках, как ночного духа, почасту бродящего под окнами с большой сумой, оный шумит, скребет и стонет, запугивая, таким образом, людей. Бабаем стращали малых деток, которые не хотели почивать да подолгу капризничали. На самом деле с этим существом белые люди никогда не встречались, а все поверья к ним пришли от темнокожих. Которые и впрямь на заре своей юности видели этих дивных созданий обок своего Творца Господа Темряя.

Вероятно, потому Яробор нередко, как только Бабая Умного принесли на Землю и поселили в избе, смотрел в угол их большой пятистенной избы... Мальчик ни только, ни ощущал какого страх пред этим созданием, а вспять подходя к нему, нежно оглаживал лица, проходясь пальчиком по очам, носу и губам Бабая Умного, с тем выражая любовь к тому Димургу, что его сотворил. Яробор часточко обращал внимание матери, и приглядывающей за ним старшей, тринадцатилетней сестры Изяславы, на живущее в углу их избы создание. Белокурая Изяслава в отличие от братца ничего не примечала в том месте, куда ей показывал тот, и, подымая своего любимца на руки, целовала в носик и глазки, да покачивала на руках.

– Бабай... Бабай... – безошибочно называл существо Яробор, прислушиваясь к тому, что шептал ему Крушец.

А Изяслава, улыбаясь непонятым словам братушки, кивала и ласково ему подпевала:

«Ай бай, бай, бай,
Не ходи, старик Бабай,
Коням сена не давай.
Кони сена не едят,
Все на Ярушку глядят».

Бабай Умный и впрямь отличался умом, а потому не смел, считывать информацию с бесценного мозга мальчика, не смел его пугать. И обладая, как и все близкие к Димургам творения, любовью и почтением в отношении лучицы, вспять ласково ему улыбался, самую малость растягивая деревянные уста. Он бы, конечно, жаждал и поговорить с мальцом, ласково его огладить, приласкать, ибо тот тянулся не столько в силу собственной уникальности плоти, сколько в силу испытываемого волнения и смури живущей в нем лучицы. Однако, Бабай Умный четко соблюдал выданные ему Господом Вежды указания, а именно не вступал в общение с мальчиком и Крушецом. Так как, по замыслам Родителя, данная разлука меж лучицей и Зиждителями нужна была плоти абы она хоть как-то, вследствие отсутствия соперничества, наполнялась эмоциями и чувствами.

Бабай Умный не только сидел в избе, он сопровождал Ярушку, как величали младшего своего члена в семье, и на двор, и на прогалины, где старшие, вырубая просеки, возвращали пшеницу, рожь, овес, гречу, лен. А в страдную пору жены помогали мужьям жать столь надобные им для пропитания зерновые.

Годам к трем, когда Яробор стал говорить отдельные слова, он привел к Бабаю Умному за руку своего сродника, сына старшего брата Чеслава Буя, оного звали Браним. Сроднику на тот момент исполнилось пять лет. Он был и выше, и крепче Ярушки да и говорил более складно, и, вероятно, соображал много лучше. Браним долго всматривался в угол избы, водил, как указывал Яробор, пальцами по изгибам стен, но так ничего и не заметил. А Ярушка поглядывал на старшего годами племяша и не понимал, почему последний ощупывая лицо, тело Бабая Умного, не видит его глаз, губ, бороды. Не видит, как он таращит свои четыре глаза и меняет в них яркость.

Яробор и сам не должен был видеть Бабая Умного, а почему видел, оставалось некоторое время загадкой даже для Вежды и Седми. Лишь погодя связавшись со своим Отцом, Господом Першим, они узнали, что та странность мальчика есть верный признак божественного влияния на плоть самого Крушеца. Впрочем с тем, Перший повелел сынам в короткий срок сменить Бабая на Лег-хранителя или беса, потому как взволнованный молчанием Богов Крушец, обаче, наблюдающий обок себя их создания, уже который раз подавал рывки зова, стараясь не столько связаться с Родителем, сколько направить их прицельно на маковку. Эти рывки зова оказывались столь мощными, что оглушающе ударяли по уже взрослым Богам, на немного даже выводя их из состояния равновесия.

Глава четвертая

Как и было ранее указано Першим, года в три с половиной Бабай Умный смог увести Яробора из-под опеки старших. На тот момент Изяслава оставила Ярушку на Бранима и его сверстников сынов, дочерей сродников, столь многочисленных, что имена их мальчик поколь вельми плохо запоминал. К тому, что Ярушка плохо говорил, он еще также плохо запоминал... Но это касалось только того, что его не интересовало. В свои три с половиной года Яробор даже не мог четко произнести имя отца и матери, а старшую сестру кликал Ися, всех остальных величая батка и сеста... Не важно, были это и впрямь его братья: Чеслав Буй, Славомир Важин, Сивояр Велиг, Путивой Веснян, Горобой Дедята али лишь их дети. Не важно, были ли это его сестры: Всенежа, Краскослава, Златодана али их дети. Зато малец членораздельно называл имена Богов, и даже куски славословия, что почасту возносили старшие своим Зиждителям, с этим словно стараясь, стать к ним ближе.

Постройки общинников располагались в глубинах леса, расчищенных для того в свое время от деревьев. Лесики возводили в основном пятистенные срубы, мало чем отличимые от тех, что когда-то духи во главе с Батанушкой по указанию юного Зиждителя Дажбы, построили для детей-будущих землян. Само поселение поместилось подле реки Кривули, прозванной так, потому что она имела извилистое русло, широкое, местами с высокими берегами, где сами склоны пересекались ложбинами, ярами и поросли лесами.

Крайние срубы общинников, находящиеся по северному окоему, окруженные огородами и невысоким тыном, сразу входили в заросли гая. Так было сделано нарочно, чтобы в случае нападения люди могли убежать и схорониться в лесу. По-видимому, тот воинствующий пыл, который жил в прадеде Твердолика Борзяты многожды иссяк в его потомках. И для старшика общины, как в целом и для всех людей, живущих в ней, первоочередным оставалось спасение собственной жизни и веры, не с оружием в руках, а отступлением от боя.

Несмотря на то, что изба Твердолика Борзяты поместилась в центре поселения, а сам двор по коло окружал часток, Бабаю Умному, под руководством марух, удалось провести мальчика чрез соседские участки, благополучно миновать тыны и вывести в лес. Крепко удерживая Ярушку за руку Бабай Умный вошел в дубравник, где мощные в обхвате дубы, точно истинные витязи, развернув в вышине раскидистые кроны, берегли подступы к общине. Их буросерая, трещиноватая кора напоминала кольчуги ратника, такие, какие еще хранили лесики в сундуках в своих избах, как память о тех, кто умел мечом отстаивать право на жизнь и веру.

Лесики считали дуб великим деревом, находящимся под защитой Бога Воителя, почасту величаемого Громовержцом. В сказах лесиков дуб также выступал Мировым Древом, посаженным в начале творения Мира самим Родителем, который опирался корнями на божественную силу, а в кроне ветвей удерживал весь свет. Было поверье, что по весне семена дуба прилетали из Лугов Дедов, принося новую жизнь и защиту поборникам Старой Веры. Мощный, твердый и сильный дуб символизировал собой мужское начало, потому был особо почитаем у мужчин... мужчин-воинов.

Меж тех лесных гигантов дубов порой хоронились древа липы, клена. Местами встречался с широко-цилиндрической кроной ильм, ведущий свое название также от Бога Воителя, в некоторых областях которого когда-то величали как Бог Ильм. Иноредь малыми пежинами попадались крупные древа осины. Вдоль самой реки Кривули да берегов более мелких речушек изрубивших своими руслами эти просторы земель росла ольха черная да ветла. Из, покрытой плотными полотнищами сухой листвы, почвы пробивались травы, в основном осока мохнатая, снитка, яскирка. Произрастали в дубравах и кустарники лещины, жимолости, крушины ломкой. А по весне оземь покрывалась цветущими лютиками, медуницей, гусиным луком, пестрила ярко голубыми, аль желтыми соцветиями.

Однако ноне, когда Бабай Умный увел из поселения Ярушку, наступил последний месяц лета, а он, как известно, притушил яркость цвета и зелени в лесу, местами и вовсе иссушив стебли травы. Он уже пригасил и насыщенность самой листвы на деревьях, придав им сероватую блеклость. Зазвончатые трели птиц поколь еще наполняли своими переливами краснолесье, но звучали они зачастую вечерами да и не чувствовалось в них пробуждающейся радости, нарождающейся жизни лишь ощущалась легкая усталость от тягот земного труда.

Год, ибо теперь время обращения Земли вокруг звезды Солнца, изменив свое название с лето, стал величаться как год... С этим, уже не первым так сказать изменением потерялся и первоначальный его смысл лето и наполняемых им понятий, таких как летоисчисление и летопись, сменившись на календарь и историю. Словом год у лесиков завершался месяцами тепла – лета, абы теперь это понятие употреблялось только в отношении применительно к сезонной смене погоды. К летним месяцам относились кресень, липень и серпень, на два последних из которых и приходилась страдная пора. Начинался же год осенними месяцами велесень, жовтень, кастрычник. На смену, которым приходила зима, соответственно с грудень, просинец, лютень месяцами. Весна начинала свой ход месяцем белояр, переходя в кветень и травень. В каждом месяце было в среднем по тридцать дней, только к пяти из них добавлялся по одному дополнительно, что в целом сохраняло триста шестьдесят дней в году.

Лесики уже и не помнили, что когда-то над Землей кружило два спутника, и было иное количество месяцев, дней соответственно в месяце и неделе. Они всего-навсего берегли в своей памяти одну из старинных традиций поминовения умерших сродников, соответственно старому стилю: на девятый день (то есть неделю без него), на сороковой день (сообразно месяц без него) и на годовщину его смерти. Хотя уже и не знали почему, таким побытом, осуществляется воспоминанием о нем.

В конце серпеня, когда Бабай Умный привел Ярушку в дубраву, и углубился в его раскинутые просторы... тишина окутывала сам гай и деревья. Не колыхались веточки, аль листва, сморенные полуденным зноем замерли не только деревья, но и птицы, и звери. Лишь иноредь слышалось пронзительное стрекотание сорок в кронах ветвей. Бабай Умный, пройдя по извиистой тропке немного вперед от поселения, остановился. По этой торенке, достаточно пробитой, не раз хаживали члены общины, и она вела в глубины леса к мощному, старому дубу, к которому лесики возлагали дары, прося у Бога Воителя помощи, заступничества или, как встарь, просто восхваляя его имя.

Бабай Умный порывисто потрянул одной из рук и тотчас в его пальцах коротких и толстых, где основание, как и на перстах стоп, не имело ногтей, а было покрыто пучками черной шерсти появилась голубая капелька. Создание Господа Темряя протянуло ту капельку к губам стоящего подле и сравнительно высокого в соотношении с ним мальчика, да ткнуло пальцем ему в губы. Ярушка досадливо мотнул головой. Он вообще не понял, почему пошел с Бабаем в дуброву. Ведь знал, что ночной дух может его, такого непослушного, засунуть в котомку и унести «во лесок под ракитовый кусток». Однако ведомый не столько Бабаем Умным, сколько Крушецом, скривил свое личико, намереваясь разреветься, а после открыл рот собираясь позвать кого из старших. Только этого открытия Бабаю Умному хватило, чтобы сунуть в рот мальчугана пальцы и резко кинуть в глубины глотки ту крошечку. Яробор порывчато сглотнув капельку, также зараз сомкнул рот и покачнулся. Его веки туго дрогнули, и он, выпустив удерживающую его руку создания, опустившись на тропку, улегся прямо на ее земляное полотно. Он еще раз тягостно сотрясся, его лицо, побледнев, покрылось бусенками пота, и глубоко вздохнув, Ярушка потерял сознание.

Прошло не более мига, как вошел в обморок мальчонка, и прекратился стрекот сорок в вышине деревьев, а Бабай Умный чуть зримо заколыхал поверхностью своего деревянного на вид тельца. Еще доли минут и лес наполнился, точно изнутри золотым полыханием, да в нескольких шагах от лежащего на тропе мальчика появился Вежды. При своем могутном

росте, в белом долгополом сакхи и чудесном венце, Бог возник столь стремительно, что сиянием собственной кожи озарил всю землю. Димург мгновенно окинул взором лежащего перед ним мальчика, и, шагнув к нему, торопливо присел на корточки. С особым трепетанием он протянул руки к Ярушке и нежно огладил его длинные светло-русые с золотым отливом волосы, каковые по поверьям лесиков не стригли до обряда второго имянаречения, чтоб не выстричь ум чаду. Считалось, что расставание с волосами уменьшало жизненные силы, укорачивало саму жизнь, и особенно касалось малых деток.

– Милый мой Крушец, – любовно пропел Вежды, сказав это, однако, дюже низко, понеже боялся, что его могут услышать... И не столько сродники мальчика, сколько Родитель.

Димург бережно подхватил в свои могучие ладони тельце ребенка, и, прижав к груди, на малость приник своими толстыми губами к его лбу. Он все также медлительно поднялся с присядок, и теперь вжав, как самую большую драгоценность, дитя в грудь, нежно досказал:

– Какая удача прижать тебя к себе. – Бог еще чуток наслаждался теплотой того, в ком обитал его сродник, а после, переложил мальчика на плечо, и с тем уткнул его лицо в белое сакхи.

Он неожиданно порывисто качнул правой рукой, словно стряхивая с нее тонкую паутинку, да немедля в его перстах блеснул золотой ажурно-плетеный чепчик, напоминающий головной капор для детей. Только волоконца этого чепчика были достаточно тонкими и перемещали по поверхности синие махие пятнашки. Бог торопливо одел на голову Яробора ажурный чепчик, расправляя полотно и точно вплетая сами волоконца в волосы, и зыркнув на все еще замершего обок его ног создания, повелительно и много тише дыхнул:

– Бабай Умный, жди тут.

Бог тотчас обернулся в золотую искру, и с тем перевоплощением озарив густым светом не только стволы деревьев, но и кроны, пропал из леса.

Несомненно, прошло какое-то время, когда Вежды внес мальчика в залу маковки, где его дожидался взволнованно прохаживающийся вдоль стоящих двух облачных серебристых кресел Седми. Стоило Димургу, появиться в зале, как Седми резко остановился и воззрился на него, миг спустя достаточно встревожено спросив:

– Что случилось?

– Даже не знаю, как сказать, – несмотря на явное расстройство в движениях, вельми по теплому отозвался Вежды. – Бесицы-трясавицы осмотрев мальчика, остались недовольными его физическим состоянием. А Отекная и вовсе ничего толком не объяснила... Сказала только, что Крушец довольно-таки напряжен, и обобщенно ей показалось, что в формирование конечностей или в построение самого естества присутствуют какие-то аномалии.

– Уродства? – испуганно продышал Седми, и тотчас сияние на его коже замерло, а очи приобрели темно-мышастый цвет, радужка так расширилась, что поглотила, кажется, всю склеру.

– Нет, не уродства, а именно отклонение от общей нормы, – не очень внятно пояснил Вежды, и, подойдя почитай вплотную к Расу, остановился напротив. – Отекная предложила отослать отображение лучицы Кали-Даруги, или хотя бы предоставить ей еще времени на дополнительный осмотр. И, естественно, снять апекс, ибо он большей частью скрывает самого Крушеца. Но времени, как ты понимаешь, у нас нет, а апекс и вовсе снимать нельзя, поелику Родитель может понять, где находится мальчик. Хоть мы и не смогли выяснить есть ли у Родителя свой догляд за Ярушкой, все же рисковать нельзя.

Седми надрывисто дернулся и торопливо оглядел залу маковки, где ноне, чтобы создать приглушенные полутона в помещении, и вовсе не было облаков в своде, а неясный свет создавала его фиолетовая гладь. Старший из сынов Расов знал, что коль раскроется их замысел, Перший, не говоря уже о Родителе, будет вельми гневаться, чего он делает очень редко. А что говорить о Родителе, так Он, несомненно, их накажет, и достаточно болезненно. Однако жела-

ние увидеть мальчика, узнать о состоянии Крушеца было много сильнее. Это было кровное, родственное единение, которое связывало их всех, Димургов, Расов, Атефов, именно общностью создания их единого Творца Родителя.

Вежды медленно переложил Яробора в руки Седми, поправляя на его головке ажурный апекс. Рас с не меньшей нежностью, чем дотоль Вежды прижимал к себе ребенка, притулил его к своей груди, облобызал лоб, сомкнутые уста, виски. И лишь затем осмотрел всего мальчика, многожды дольше задержавшись на его голове.

– Какой большой... Ты заметил Вежды, как вырос Крушец, – молвил Седми и по его пшеничным волосам нежданной россыпью, выпорхнув с под корней, сверху вниз пробежали огнистые искры. – И, что мы будем делать с предложением Отекной. Свяжемся с Родителем, Отцом или Кали-Даругой.

– Не с кем не свяжемся. Тем паче ничего не скажем Родителю, – голос Вежды понизился, точно он боялся, что его могут услышать. – Больно ты не знаешь, как Родитель поступает с теми, кто смеет отклониться от общей нормы. И вообще спрячу Отекную, чтоб не сболтнула чего лишнего. Не позволю, абы с нашей драгостью чего-либо случилось, Отец того не переживет... Пусть все идет... как идет и будем помалкивать. И знаешь, произошедший здесь разговор надо схватить, я тебе подскажу как. Если не получится, сам схочаю... И тогда ни Родитель, ни Отец ничего из нас не вытянут. Потом пусть прощупывают, как хотят, а схованое им не станет доступным.

Глаз в наверхие венца Вежды, точно укутанный в тонкую золотую оболочку нежданно часто... часто стал смыкать веки, тем похоже, что-то символизируя. Бог на малость замер вслушиваясь в присланную ему информацию, а после досказал:

– Родня Ярушки заметила его отсутствие, да и Трясца-не-всипуха доложила, что обморок скоро закончится, надо поторопится.

Седми легохонько вздохнул, он, очевидно, думал также как Димург, и поступать решил, как велел старший, понеже сильно любил Крушеца и Першего да не мог допустить гибели одного и огорчения второго. Ноне Рас был обряжен в укороченное до колен белое сакхи, а на голове его находился во всей мощи венец. Проходящая по лбу широкая мелко плетеная цепь, на которой, словно на пирамиде восседали такие же цепи, где, однако, каждое последующее звено было меньше в обхвате предыдущего, заканчивалось едва зримым овалом. Сияющий золото-огнистым светом венец, единожды перемещал по поверхности и вовсе рдяные капли.

В залу чрез зеркальную стену, вынырнув вроде из воронки, вошел Кукер тянущий за собой на тончайшем луче голубого света создание, имеющее название Лег-хранитель. По поверьям лесиков это создание уберегало от злобных сил человека, и было приставлено к каждому хранящему Старую Веру, имея в своей основе понятие «легкий». Впрочем, как и многие иные существа Богов, Лег-хранитель, сотворенный Зиждителем Небо в малом количестве и токмо для определенной цели, не был приставлен к людям. Конечно, данные творения цеплялись к потомкам Есиславы или Владелины, как и лебединые девы али бесы, но всегана все к определенным из них, за коими осуществлялся особый пригляд. Лебединых дев, бесов, Лег-хранителей могли устанавливать и существа Богов такие, к примеру, как марухи, демоны Димургов, альвы Расов, маниты Атефов. Одначе, чтобы эти создания работали более качественно и четко, и не навредили, тому за кем присматривают, инолды их установку производили сами Зиждители. Потому к драгоценному Ярушке прицепить беса али Лег-хранителя по распоряжению Родителя должен был лишь Вежды и Седми, абы после не имелось каких-либо прорех в их работе.

Лег-хранитель, сияющий белым с фиолетовой окоемкой пятном, представлял из себя сомкнутые промеж друг друга крылья бабочки, да и виду было не большего. Извилистыми смотрелись грани того тельца, хотя в отличие вышеупомянутого насекомого, сам Лег-хранитель был достаточно объемным. Словно собранные из тонких лучей света, крылышки распа-

дались по мере их завершения на зримые волокнистые волоски, дюже подвижно трепыхающиеся и всяк морг с тем передающие на создателя информацию. Объемное тельце Лег-хранителя не только переливалось движущимися рубежами бледно-фиолетового света, но, и, в общем, колыхалось, точно поигрывая собственными гранями, при этом еще легохонько мерцая.

Кукер спешно достиг стоящих Богов и замер подле, вытянувши повдоль тела три руки и как можно выше подняв четвертую, в которой удерживал Лег-хранителя. Седми неторопливо передал Яробора Вежды, осторожно переложив его на руки старшего брата, поправив конечности и головку. Он еще малость нежно оглаживал бледное лицо мальчика, своими тонкими перстами, а после протянув руку забрал у своего споспешника тот самый тончайший луч голубого света. Одначе, стоило Богу его коснуться, как сияние света, запульсировав, свернулось, образовав и вовсе едва зримую легкую нить. Рас небрежно крутнул кончик нити в пальцах и тотчас по белоснежной коже Зиждителя, озаряемой изнутри золотым сиянием, заструились рдяные искры. Мгновение спустя они точно наполнили все тело Седми, поглотив и саму молочность, и золотое сияние, окрасив материю его белого сакхи в пурпурный цвет. Еще вероятно малая толика времени, и кончик нити сам стал пурпурным, утончившись до состояния паутинки.

Седми медленно поднес тот пурпурно пылающий кончик нити к ребенку, все также заботливо развернув его голову лицом в направление груди Вежды. Он, слегка качнув перстами свободной руки, сотряс на чепчик-апекс и лицо ребенка малую россыпь горящих искорок, каковые резво сомкнувшись меж собой, описали подле правого слегка лопоухого ушка Ярушки коло. Искорки в мале распространили свое сияние и дальше на кожу, покрыв собой висок, лоб, щечку и даже закатились под волосики. Отчего кожа засияла менее насыщенным светом почти ало-рыжим, сызнова сместившись и теперь покрыв ушную раковину и слуховой проход. На доли минут кожа и кости черепа обрели прозрачность, и явственно показалась барабанная полость среднего уха, и слуховые косточки, передающие колебания, и третий орган слуха замысловатой формы, напоминающий лабиринт.

Седми все также осторожно, словно опасаясь навредить мальцу, поднес пурпурный конец нити к слуховому проходу и слегка подтолкнув его вперед, выпустил из перст. И тотчас пурпурное наверхие паутинки, связанное иным кончиком с Лег-хранителем, медлительно поползло по проходу, а достигнув барабанной перепонки, просочилось под одним из ее глухих краев, вскоре явившись в так называемой улитке заполненной лимфатической жидкостью. Конец нити один-в-один, как пловец, просквозил по кругу, почитай касаясь ее стенки, и нежданно замер в ее завершие. Он резко ткнулся своим кончиком в стенку улитки, будто ужалил, а миг спустя вже выскочил с иной стороны в небольшой костный канал, где не мешкая вклинился в слуховой нерв, при том слегка окрасив его в пурпурные полутона, таким образом, подключаясь к мозгу.

Рас поколь неподвижно наблюдающий за движением нити, лишь произошла его сцепка с мозгом, перстами огладил ало-рыжие переливы на ухе Яробора. И этим движением собрал сияние на вроде мельчайшей изморози на кончиках собственных перст так, что они у него вспыхнув и вовсе приобрели огнистую окраску. Приблизив пальцы к Лег-хранителю Седми капелюшечку ими дернул, и немедля с них вниз посыпалась мельчайшая мга, окутав туманными парами само тельце создания. Сияние словно скомковав объемные формы Лег-хранителя, придало ему вид прозрачной ушной раковины состоящей из мочки, козелка, противозозелка, завитка и его ножек да противозавитка. Зримо колыхнулся обок головки Ярушки прозрачный Лег-хранитель в точности, своей нынешней формой, повторяющий ушко мальчика. Седми бережно подцепив двумя перстами создание, также аккуратно насадил его на ухо ребенка. Еще не более морга и Лег-хранитель самую малость вздрогнув, стал не отличим от уха мальчика, слившись с ним не только формой, но и цветом. И тотчас принялся работать, принимая от Седми все поступающие распоряжения, и, одновременно, напрямую передавая на Бога все мысли, тревоги, звуки от самого мальчика.

– Замечательно, – благодушно произнес Вежды, и сам нежно огладил перстом ушко ребенка с насаженным на него Лег-хранителем. – Мой милый малецык, ты как всегда творишь все безупречным.

– Ну, не всегда, – мягко отозвался Седми, степенно придавая и своей коже и сакхи истинные их цвета. – Вежды, может стоит все же связаться по поводу Крушеца с Кали тайно. Показать ей отображение малецыка и спросить совета. Может еще можно, что поправить.

Рдяные искры, как и пурпурные полутона, уже покинули кожу и сакхи Седми, вернув ей бело-золистость, только еще несколько огненных брызг замерли на кончиках его пшеничных, коротких волос, уцепившись за самые кончики. Димург протянул к младшему брату руку, и, стряхнув их с волос, трепетно и с тем ласкающе-полюбовно произнес:

– Бесценный мой, чего об этом толковать. Ты же знаешь, если это отклонение... аномалия, – Бог на миг затих, его толстые губы судорожно вздрогнули, а темно-бурые очи точно остекленели. – Если это уродство, – с трудом выдохнул он, – ничего не поможет... Ничего и никто. И даже Кали. Наша милая, дорогая Кали. Тут либо надо уничтожить, как, несомненно, поступит Родитель, либо сберечь. А сберечь, это значит утаить... Утаить от Родителя, Отца и остальных братьев. Ты, моя драгоценность, должен тот выбор сделать сейчас и сам, дотоль как я унесу мальчика на Землю. Ибо я свой выбор уже сделал.

Глава пятая

Яробора хватились вmale после того как Бабай Умный увел его от ребятни. И первым кто кинулся искать мальчика, была, конечно, Изяслава. Отроковица, выполнив распоряжения матери, возвращаясь из житницы, постройки, что тулилась к сараю, овину, сеннику, хлеву, птичнику и дровнику (стоящих по правую от дома сторону) и проходя под поветью, части крытого тесом двора, где лежала скирда сена, обратила внимание, что среди играющей детворы не видного меньшого братца. Возможно, Изяслава и не придавала б тому значения, понеже ну, куда, в самом деле, может уйти со двора малое дитя, ежели бы какое-то шестое чувство (про которое в грядущем будут почасту толковать люди) подтолкнувшее ее позвать Ярушку. Будучи послушным мальчиком, привязанным к старшей сестре, тот всегда отзывался на ее зов.

Однако, ноне как отроковица не кликала братца, обегав не только двор, но заглянув во все хозяйственные постройки, перетеребив всех деток, Яроборка так и не откликнулся. Ну, оно и понятно, так как в тот момент лежал на кушетке в особой комнате, величаемой худжра, на маковке четвертой планеты и был осматриваем бесицами-трясавицами.

Вскоре к поискам мальчика подключилась уже и Белоснежа, услышавшая из избы взволнованные окрики младшей дочери. А погода мальчонку искала вся община, нынче закончившая страдную пору и потому находившаяся большей частью в поселение. Люди искали Яробора по всем закуткам построек, огородов, домов, дворов. Проверяли берег реки, окраины леса, но мальчика словно и след простыл.

На ту пору сошедший с тропки Бабай Умный придав себе вид суховатого пенька, вельми внимательно наблюдал за рыщущими по окоему леса людьми, иноредь не слышимо для них переговариваясь с марухами.

Ярушка отсутствовал не более чем пару часов, ибо большее время Боги не могли себе позволить. А засим Вежды принес его на Землю. Необходимость в Бабае Умном, как таком теперь для Зиждителей отпала. И Димург положив мальчика на тропку, пред тем сняв с него апекс, резко подхватил создание своего младшего брата за изогнутый сучок, коим днесь представлялась рука Бабая Умного, да унес его на маковку. Золотое сияние, точно поглотившее кусок леса, также стремительно иссякнув, явило изумленной Изяславе лежащего братика. Отроковица, бежавшая из глубин леса, куда они вместе с матерью дотоль ушли, чтобы вознести дары к древу дуба и испросить помощи у Бога Воителя, на малость сдержала свой скорый шаг, а после, гулко вскрикнув, кинулась к брату.

– Матушка! Матушка! – громко завопила Изяслава, подхватив на руки мальчика и прижав к себе. Прерывистые рыдания вырвались из ее рта и единожды россыпью слез окатили бледное лицо Яробора. – Матушка! Нашла! Нашла Ярушку!

Прошел и вовсе малый миг времени и из леса выскочили два старших брата мальчика Сивояр Велиг и Горобой Дедята. Оба крепкие, мускулистые мужи с темно-русскими, долгими волосами, схваченными позадь головы в хвосты, и густыми усами, брадой купно покрывающими лица. А погода по тропке не менее ретиво для вже пожилой и полной женщины прибежала Белоснежа. Ее белокурые, присыпанные темноватыми полосами волосы от волнения выбились из-под опояски, широкой тканевой полосы повязанной на голове, концы которой спускались на спину.

Заплаканные красные очи Белоснежи живописали все тягостные думки об уделе ее драгоценного поскребышки. Мать резко подскочила к дочери, и, выхватив из рук сына, единожды осмотрев, ощупала губами лоб, очи, уста, чуть слышно дыхнув, окружившим ее детям:

– В обмороке. И уже, верно, давно. Где Славущка ты его нашла?

«У...у...у!» – зычно прокатилось по лесу и девочка признав в том окрике сродника не мешкая отозвалась.

– Батюшка! Батюшка! Мы тут! Нашли! Нашли Ярушку! – Она на мгновение вслушалась в звуки насыщающие лес и отдающиеся недалече протяжным хрустом и беспокойным стрекотанием сорок, а после шибутно вздернув плечиками, ответила, – я его тут нашла. Тут прямо на тропке.

– Не может того быть, – низким басом протянул Горобой Дедята самый молодой из сынов Белоснежи и Твердолика Борзяты, однако, уже имеющий двух сынков близнецов годком постарше Яробора. – Мы здесь давеча с Сивояром Велигом проходили, тут никого не было. Лишь пенек сухой, скривившийся с сучком стоял. Скажи братка.

Третий по старшинству брат торопливо кивнул своей и вовсе дубопокатой головой с большим вдавленным лбом, подтверждая слова Горобоя Дедяты. А последний уже обводил взглядом прилежащую к торенке оземь, разыскивая искривленный пенек, днесь, право молвить, ушедший в собственную светелку на безмерной маковке, и ожидающий отбытия из Млечного Пути к своему Творцу Господу Темряю.

– Нежданно, – Изяслава понизив голос, приглушенно молвила. – Златое сияние накрыло все эвонто место, – девочка очертила подле себя круг. – Я выскочила из-за дерева, и, узрев сияние, замерла. А потом свет погас, и на тропке я увидела лежащего Ярушку.

Старшие единожды недоверчиво воззрились в лицо девочки, однако так как она никогда досель не врала, ибо жила по верованиям лесиков, а значит славилась Правь... Правду и отворачивала свое лицо от Кривды, мать негромко спросила:

– А более никого не видела?

– Нет, матушка, – отозвалась отроковица и стремительно хлюпнула и без того плюхающим от сырости носом.

Она протянула руку к голове меньшого братца и с нежностью огладила его русые волоски, тем медленным движением передавая ему всю свою любовь. А Яробор внезапно порывисто вздрогнул конечностями. Легкая зябь прокатилась по всему его тельцу, слегка выгнув ножки, ручки, окутав кожу россыпью крупных мурашек. На бледные щечки мальчика резко накатила румянец, точно от прибывшей крови, веки самую толику сотряслись, а после отворились. Ярушка глубоко вздохнул, сначала воззрившись в округлое лицо матери, где зрелась особая массивность нижней челюсти, плоский лоб и вогнутая спинка носа, как признаки первых женщин Дари, тех самых созданных из клетки Бога Дажбы. Малец какое-то время осмысленно разглядывал ставшие водянистыми от переживаний очи Белоснежи, и негромко, хотя весьма четко сказал:

– Бабай. Бабай така кака... Пливел мене туды... ох! ох! така кака.

Сродники Яробора после той пропажи, обобщенно, как и все жители общины признали, что в его уделе участвовал тогда сам Бог Воитель. Так как чудесное появление мальчика на тропке никаким иным образом не можно стало объяснить. Посему и мать, и отец Ярушки еще не раз принесли тому Богу дары от труда своего: зерно, цветы, медовуху... Дары бескровные, потому как по оставленным законам Небо, кровавые жертвы гневил Зиждителей, абы мерзостно было для них принятие невинной крови от созданий Родителя. Хотя, как и понятно, Небо те законы не оставлял, дары ему были без надобности, а Воитель, ноне обитающий в своей Галактике Бискавице не только о дарах, но даже о произошедшем с мальчиком ничего не узнал. О перемещение Яробора на маковку теперь молчал не только Вежды, но и Седми, страшась, что Родитель может прознать про аномалии у Крушеца. Отекная, как и намечалось Димургом, была где-то спрятана на маковке. Бесицы-трясавицы, марухи, Кукер, Бабай Умный предупреждены о недопустимости болтовни, как таковой. И Родитель, приняв от Вежды доклад об установке на мальчика Лег-хранителя, никоим образом не показал, что прознал про доставку последнего на маковку.

Возвратившись Ярушку мать долго потом осматривала, мыла на дворе в большом корыте и не зримо для мужа утирала с опухших очей текущие слезы, поелику махунечкий поскребышек был очень дорог ее материнскому сердцу.

Сам же Яробор внесенный в свою пятистенную избу матерью перво-наперво направился исследовать ее угол и лавку, где дотоль почитай три года сидывал Бабай Умный. И не найдя создание на прежнем месте долго еще стоял там покачивая головой и вздыхая, словно сопереживая беде Крушеца которого разлучили с тем, кто был, однозначно, близок Богам.

Изба Твердолика Борзяты была большой, прямоугольной, постройкой, имеющей внутреннюю поперечную стену, каковая делила ее на два помещения. Внутренняя стена, в целом, как и четыре наружные, подымаясь от самой земли до верхнего венца сруба, торцами бревен выходила на главный фасад и со стороны двора делила его на две части. Входом в избу служил низкий проем, закрывающийся рубленой дверью, вступив чрез оный попадали сразу в сенцы, небольшое крытое пространство, где хранились ведра, деревянные бочонки, кадки. В самой избе слева от входа располагалась большая печь, чело коей было повернуто к дверям. Пространство от печи до передней стены служило женской половиной, величаемой куть, и отделялась тонкой дощатой перегородкой, где по боковой стене вплоть до фасадных окон проходил залавок, высокая лавка, под которой стоял шкаф-судница хранящая посуду и припасы. На залавке находились чашки, миски, опарницы, сито, кринки, и иная утварь.

На полу под передней лавкой, где спала Изяслава, помещали ведра. Невысокий потолок и пол были подбиты липовыми, гладко струганными досками. Насупротив входа располагалось окно, а над ним пролегали полати. Они зачинались от боковой стенки печи, и, проходя над дверью, и по пятой стене помещения завершались как раз под окном. Раньше на них спали сыны Твердолика Борзяты. Одначе, теперь, когда они образовали свои семьи и имели собственные избы, полати больше служили для хранения скраба домашнего обихода, понеже Яробора укладывали спать в женской половине на лавке подле Изяславы.

Во второй комнате избы, где стены были украшены вышитыми тканевыми ручниками, почивали мать и отец. В переднем углу этой светелки стоял прямоугольный стол, над ним, на укрытой белыми расшитыми рушниками угловой полке, поместились деревянные чурь, живописующие образы Богов: Небо, Дажбы, Воителя и Богинь: Удельницы, Любви – супруги Небо, Лета – супруги Воителя. В левом углу комнаты располагалось деревянное ложе, устланное одеялом, посереде которого лежали две большие квадратные подушки, сверху укрытые ажурным, белым покровом. Вдоль стен находились сундуки да широкие лавки, прикрепленные к стенам.

Четыре небольших окна со вставленной в них слюдой озаряли комнату избу, к ночи чаще прикрывающиеся желтоватыми, короткими занавесками, а в долгие морозные ночи, плотными ставнями, помещенными с наружной стороны дома. На полах в избе лежали тканево-плетеные подстилки, так как в помещение всегда ходили без обуви.

Ярушка после произошедшего с ним путешествия на маковку нежданно и резко заговорил. Дотоль он говорил весьма не ясно и по-детски, недосказывая или коверкая слова, а тут вдруг принялся выдавать целые фразы и столь чисто, точно, как гутарили о том общинники, его прорвало. И так прорвало, что мальчик не смолкал ни на миг, порой измучивая Изяславу сей болтовней и бесконечной чередой вопросов.

Еще одну чудную вещь заметили за мальцом не только сродники, но и иные общинники, после возвращения досель едва зримое желтовато-коричневое полыхание над его головой, повторяющее круг стало сиять многожды ярче. И в лучах солнца казалось, по русым волосам Яробора струятся золото-бурые брызги света. Как пояснил сынам Перший, Крушец очевидно, заметил установку Лег-хранителя и таким ярким сиянием привлекал к себе внимание. Крушец помимо сияния еще и воздействовал на плоть, потому мальчик почасту теребил правое ушко, словно желая содрать с него Лег-хранителя.

Мальчик всегда казался несколько странным, а после пропажи стал еще более загадочным и сам того не понимая часточко замирал на месте вглядываясь в небо, особенно ночное. Тогда, когда в марном его сияние появлялся желтый Месяц, по колу опоясанный слегка колеблющимся пламенем света. Объяснить своего состояния взрослым он не мог, так точно в такие моменты отключался от всего, что жило, существовало подле него. Может улетаю куда-то в иное место... иное место... скорей всего на маковку четвертой планеты, ноне прозванной людьми: Красный Гор, Куджа, Мангал, Лахитанга, Нергал, Веретрагной, Вархран, Бахрам, Арес, Марс, Орей, Яр.

Глава шестая

Время шло... текло... двигалось.
Шли дни, недели, месяца и годы...
Шли...

Для одних они проскальзывали, для неких двигались неспешно, а для иных и вовсе лишь ползли... Вероятно, это происходило в зависимости оттого кто, что из себя, представлял, значил, нес в своей голове, чувствовал и воспринимал.

Не ошибемся, если скажем, что для лесиков, сокрытых в глубинах лесных гаев, время неспешно колыхалось, переплетаясь с шелестом листвы, качанием колосков зерновых, плеском реки Кривули. Эти люди, отошедшие от первоначальных верований, с тем проживая обок с природой, наполняли свои жизни ее дыханием, простотой быта и любовным трепетом в отношении себе подобных. Они берегли не только сами деревья, обитающих подле птиц и зверей, лесики уважали и людские жизни... Скрываясь в тех безбрежных лесных чащобах, старались сохранить жизни свои и тех, кто был против их уклада, традиций, верований. Тех, кто сильнее и быстрее толкал движение жизни к последнему духовному, нравственному вздоху, к уродству, извращению и как итог к смерти.

С тем колыханием лет рос маленький Яробор...

Боги, Вежды и Седми, сокрывшие правду о Крушеце от Родителя, Першего и иных своих сродников, тем даровали жизнь обоим...

Обоим...

Человеку – Яробору и божеству – Крушецу.

Вместе с годами Ярушка получал умения, знания, которые ему передавали его отец и братья, обучая основам старой веры, где Небо и Дажба являлись родоначальниками жизни земных людей. К семи годам Яробора, ибо он принадлежал к касте воинов-княжичей, начали обучать грамоте, счету, письму и, естественно, ратному делу. Однако, если грамоту, счет и письмо мальчик познавал с легкостью, быстротой, так как отличался цепкостью ума, любознательностью и прекрасной памятью, то воинское искусство ему давалось с трудом.

Не плохо мальчуган стрелял из самострела. Особого устройства, где укороченный лук крепился к деревянному ложу с прикладом, имея специальные приспособления из рычагов и зубчатых колес, которые натягивали тетиву. Самострелы лесики не делали, они их хранили. И как многое иное, это оружие было принесено из прошлой жизни. Посему костяные ложа все еще берегли на себе узорчатую роспись перламутра, а тетива была свита из воловьих жил. У дальнобойных самострелов, каковые принадлежали взрослым ратникам, для натягивания тетивы к ложу крепили так называемый коловрат (самострельное устройство из шестерен и рычагов) и имелся прицел в виде низкого щитка с прорезью и мушкой.

Яробор оказался достаточно метким стрелком, еще и потому, как владел с пяти лет детским луком, всяк раз собирая его с собой на охоту куда хаживал со старшими.

Одначе, совсем худо у него обстояли дела с мечом. И не то, чтобы подрастающий отрок не умел держать его в руках, просто в сравнение со своими сверстниками плохо им управлял. Сие несмотря на продолжительные занятия с отцом, старшими братьями Горобоем Деятым или Чеславом Буюем. Худовато-сухопарый мальчик с тонкими ручками и ножками, невысокий, точно обделенный мощью своих предков (чем вельми расстраивал отца) слабо держал в руках деревянный, ученический меч, круглый щит. И только завязывался с кем-либо поединок, а в основном соперниками его выступали Браним, сын Чеслава Буя, или братья-близнецы Видбор и Витомир, сыны Горобоя Деята, начинал горячиться, ошибался и как итог был побеждаем. Столь скоро, что расстраивался не только сам, но печалил и тех, кто оказывался подле него.

«Просто, – как говаривала стареющая Белоснежа, успокаивая и целуя во впалые щеки своего поскребышка. – Ты не воин. Ты родился для иного. Твоя сила, это ум, любознательность, твои знания».

Впрочем, эту пытливість ума в отроке подмечали не только родители, сродники, но и вообще люд общинный. Ибо Яробору удавалось запомнить не только целые фрагменты сказаний, легенд, которые почасту толковали старшие, но и задавать такие вопросы, которые вводили рассказчиков в молчаливое оцепенение. Абы их ответы, и это они уже ведали, порождали цепь новых вопросов, обрастающих недовольством теряющихся взрослых и смешками меньших. Почасту такие вопросы заканчивались гневливыми окриками: «Яробор смолкни!» Однако, смолкал мальчик не сразу... Чаше он просто покидал избу, где велись те сказания, все еще досадливо шепча себе, что-то под нос... Что-то... что, несомненно, вызывало уважение у сверстников и страх у взрослых.

Можно итак догадаться, что несогласие в отроке вызывал Крушец, поколь еще не набравшийся нужной власти над мозгом, одначе, уже сейчас внушающий плоти определенные мысли... И посему Яробор пытался разобраться, как существует зло подле добра. Почему к злу причисляют темноту, сумрак, мороку и ночь...

Ночь, которую Ярушка так любил. И наслаждаясь царящим в ней покоем, вслушивался в тихий стрекот сверчка или протяжное уханье сыча. Вглядывался в перемигивающихся светлячков, хоронящихся на озечи, или любовался раскинувшимся в вышине темно-синим небом, почти черным, сверху, словно прикрытым полами плаща, с рассыпанными по ним серебряными осколками звездных светил.

Днесь воспитанный без божественного вмешательства Яробор не имел понятия о роли Богов, об истинной сущности Першего, Небо, Асила, Дивного. Но вместе с тем даже в таких уже ущербных знаниях, в неправильном понимании роли Першего, в четком разделении, раздвоении мира на зло и добро, черное и белое, ночь и день искал суть... Искал, поелику так его направлял Крушец... Создавая единение меж собой и человеческим мозгом, божественный Крушец медленно, но верно направлял поиски мальчика в правильное русло. Посылал чувственность к Першему и всему тому, что его окружало. Показывал нестыковки в верованиях и учениях лесиков. Подсказывал вопросы. Словом Крушец неторопко подчинял себе плоть. А с этим Яробор прислушиваясь к своему естеству, задавал вопросы, познавал и также скреплялся с лучицей.

«А зачем, – вопрошал он почасту у старших братьев, – Родитель даровал жизнь Богу Небо и Богу Першему? Зачем оставил существовать Першего, оный есть источник всего злого? Не правильнее бы было уничтожить и само зло, и Першего. И тогда не было бы холода, смерти, лжи, изворотливости, болезней на Земле. Но Родитель так не поступил. И не потому как слаб, а потому как считал, что зло это одна из основ равновесия жизни людей на Земле. Так как не будучи смерти, не станет надобно рождение. Не будучи ночи и принесенного с ней сна, отдыха для всего живого, не станет и самого бодрствования. И кто? кто вообще назначает добрым или худым тот или иной поступок? Кто дает данные распределения, разграничения на зло и добро? Ведь источником самого творения, обоих Богов, был Родитель, не вмешивающийся в удел людей».

Вопросы и ответы уже оформленные, продуманные, услышанные темными вечерами наблюдением за ночным небом по окоему описанному кронами возвышающихся бескрайних лесов, выплескивались из Яробора постоянно. Порой, не желая обучаться ратному мастерству, он нарочно задавал те спрашания старшим, и, выуживая из них обрывочно-короткие ответы, кривил полные губки, покачивал головой, несомненно, не удовлетворяясь объяснениями. Понеже все больше и больше основа его – мозг (единственно ценное, живое, что есть в человеке) спланивался с Крушецем, который над теми разговорами вероятно надсмехался.

Седми и Вежды, как и было указано Родителем, больше в жизнь мальчика открыто не вмешивались. Хотя сложно будет тот постоянный контроль, пригляд считать не вмешательством. Точнее будет сказать зримо не проявлялись, тем не менее всяк миг зная, где и что с ним. Получая информацию не только от Лег-хранителя, поместившегося на правом оттопыренном ушке мальчугана, которое тот постоянно оттягивал в сторону, но и от находящихся подле него марух.

Тем не менее, в дела общины вмешивались не раз и не столько Боги, сколь создания им подчиняющиеся. Это случилось первый раз, когда Ярушке едва минуло шесть лет, и витрянники доложили о грозящей всей общине опасности. Сие были так называемые сигнальные маяки, расставленные марухами по околотку лесов и местности прилегающей к землям общин. Витрянники, чьим Творцом был Опець, создавший их еще будучи в Атефской печице, а посему им и принадлежащие, являлись симбиозом, обладая не только структурной формой живых существ, но и чисто механических устройств приема и передачи информации. Бог Опець вообще отличался способностью создавать живые существа с использованием механических устройств.

Витрянник сливаясь с тем предметом, на которое был помещен, расправлял свои удлиненные расплющенные усы-локаторы и прощупывал при помощи испускаемых лучей пространство вокруг себя, под и над собой. Передавая на маковку прямо в приемо-передающее устройство информацию, перекодировав ее, перепроверяя и оценивая возникающую ситуацию и опасность, в случае появления, каковой посылая особый импульс на марух.

В тот год марухи получили импульс от приемо-передающего устройства об надвигающейся опасности и проверив ситуацию возникшую округ земель поселений, поспешили на доклад к Вежды. Або Седми в данное время, переключив Лег-хранителя на старшего брата, сам отбыл в Галактику Серебряная Льга к Першему на доклад.

– Латники из ордена Ашера, – меж тем сказывала королева марух. – Уже подступили к границе лесов. Их более тьмы воинов, вооружены мечами, пиками, самострелами. Они двинутся в днях по проселочной дороге, идущей в обход. Вначале подойдут к крайнему общинному селению сродника Твердолика Борзяты, а после, миновав реку, направятся в поселение господина. Согласно задуманного, они собираются полностью уничтожить эти две общины. Стариков, женщин, детей сжечь, мужей убить.

– Ох! – слышимо выдохнул Вежды и затрепетала материя его черного сакхи. – Нам это не надобно, – негромко протянул он, и, вздев руку, провел перстами по своим широким, вроде нависающим над очами векам. – Не надобно, чтобы с нашим мальчиком, что-либо произошло. Тем паче такие ужасы, о каковых говоришь ты... А вообще чего этим латникам от общины нужно? Чего не поделили?

Вежды нынче восседал в облачном желтовато-рыжем кресле, с вытянутым вперед из сидалища лежаком, на котором возлежали его ноги. Кресло было точно собрано из комков туманного дыма кажущегося рыхлым, неплотным, что внушало опасение за Господа, каковой от волнения слегка покачивался в нем... туды... сюды... и с тем двигались вслед телу Вежды и ослон, и сидалище, и даже облокотницы.

Димург, определенно, был огорчен происходящим. Ко всему прочему он тревожился за Седми, который ноне находился у Першего. И хотя о состоянии Крушеца в брате было плотно все сховано. Вежды боялся, что Седми, Отец все же сможет прощупать. Ведь бесценный малецык, драгость Седми, был младший, совсем дитя и много слабее его... его самого старшего из сынов. В тайне от Отцов, позволяющий себе многожды больше чем иные его братья. Сейчас он даже не скрывал от королевы марух свои тревоги, ибо знал столь преданное создание, никогда не обратит зримое, слышанное против Господа, по распоряжениям которого ноне творила на Земле.

– У них разные верования Господь Вежды, – принялась пояснять королева.

Маруха была достаточно высоким созданием, не очень отличное от людей, хотя вместе с тем, как и всякое иное, имеющее свои определенные физические характеристики. Одета в белые длинные одежды, скрывающие ноги с гладко-зализанными назад серебристыми, короткими волосами, словно слившимися с кожей головы, а она имела такой же серовато-стальной отблеск. На лице королевы, напоминающем по форме сердечко, блистали прозрачной голубизной радужки, овальной формы без зрачка. На том месте, где у человека были виски, располагались вытянутые тонкие щели, начинающиеся от уголков очей и уходящие под волосы. Округлые края той расщелины зримо колыхались, точно вдыхая и выдыхая воздух, и иногда едва зримо подсвечивались зеленоватым сиянием, исходящим из глубин. Маруха являлась женским созданием, посему миниатюрным смотрелся чуть вздернутый кверху с закругленным основанием нос, тонкими, будто крыши домиков брови, густыми, загнутые, длинные, черные, ресницы и красными, полноватыми, губы. Ее выточенная фигура с тончайшей талией, округлыми бедрами и полными грудями и вовсе делала королеву весьма прекрасным творением, сие вопреки нелицеприятному цвету кожи и щелям подле глаз. Обобщенно марухи имели помимо общего величания всего племени, еще и частное, которое выглядело достаточно длинным, точно припоминая все отличительные черты данного представителя. Так королева марух величалась Стрел-Сорока-Ящерица-Морокунья-Благовидная. Она обладала способностью, как свидетельствовало из ее имени, мгновенно преодолевать короткие расстояния, обращаться в птицу, животное и являлась созданием Мора. Вежды впрочем, коротко звал королеву марух – Блага, а то самое длинное, почетное ее имя было положено произносить иным божественным творениям.

– Целью этих походов служит либо полное подчинение неверных лесиков, – продолжила сказывать Блага, столь четко, вроде выдавала считываемую информацию. – Либо полное их истребление, – ее голос трепетный, наполненный мягкими переливами мелодии прокатившись по залу, встрепал растянутые в своде серые облака, приглушающие свет в помещении. – Истребление, так как они являются противниками ашерской религии. И даже если сейчас мы остановим латников, пройдет некоторое количество вращений Земли обок Солнца как они явятся сызнова. Або глава их церкви Патер Иофан Четвертый поставил целью своего правления полностью истребить старую веру, видя в ней опасность для существования собственной религии.

– И, чего ты Блага посоветуешь сделать, чтоб уберечь нашего мальчика? – спросил медлительно Вежды, делая промежутки меж самих слов. Его толстые губы легохонько изогнувшись, живописали все тоже недовольство, а два перста поглаживающие дугообразную, тонкую бровь недвижно замерли над переносицей, словно упершись в крупный квадратный камушек пестрой яшмы.

– Господь Вежды, чтобы спасти господина или же всю общину? – понижая песенность своего гласа, переспросила королева.

– Ну, поколь наверно всей общины. Он покуда, еще очень мал, – негромко протянул Димург.

Зиждитель теперь убрал перста от лица, и положив руку на облокотницу, во всю ширь отворил свои и без того крупные очи так, что верхние веки вздыбившись короткими ресницами подперли сами брови, с тем уставившись на стоящую пред ним маруху.

– Посоветовать можно следующее. Полностью уничтожить латников и с этим напугав, не допустить дальнейшего похода на лесиков, – бодро ответствовала королева таким тоном, будто говорила об уничтожение сорняков.

– Вот не по нраву мне это... уничтожить, – довольно-таки лениво отозвался Димург и еще сильнее живописал на своих губах недовольствие.

– Этот совет касался только данного этапа времени, Господь Вежды, – все с той же пылкостью дополнила Блага, убежденная в собственной правоте, и легонько дернула головой вбок,

с тем, стараясь увидеть очи Бога. – Обаче, данный страх латников, я уверена, не продлится долго... И Патер не важно этот, аль какой иной пришет погода новых воинов. Данная часть света, величаемая как Старый Мир, ноне Господь Вежды почитай полностью находится под контролем воинствующей ашерской религии, которая не позволит существовать никакому другому верованию... Тем паче она не позволит жить таким людям, каким является господин. Он даже сейчас своими вопросами приводит в трепет сродников, но коли те его любят, и под влиянием, оказываемым на них лебедиными девами, бесами молчат, и скажем так, сносят. То ашерские служители такого вольнодумства не потерпят. И в лучшем случае придадут господина огню. В худшем они придадут его истязаниям, пыткам, требуя отречения от своих мыслей и принятия праведности веры в Ашеру. Для того, чтобы этого не случилось можно их сжечь, кардинально изменить веру, государственное устройство, но тогда мы должны вмешаться если не открыто, значит влиятельно. Чего как я понимаю, сейчас, для становления лучицы, не позволяет делать Родитель.

Маруха смолкла и самую малость подалась вперед, приподняв голову. Она хотела лучше разглядеть лицо и очи Господа, понять, о чем он думает и чем так явственно недоволен. Хотела разобраться, не ее ли слова вызывают данное трепетание кожи Бога и зябь золотого сияние на ней. Зримо при том шевельнулись несколько широковатые в сравнение с телом руки марухи, показав отходящую от локтевого сгиба часть кожистого полотнища, образующего мешковатость и входящего в поверхность белой одежды.

– Не позволяет, – и вовсе бурчливо дыхнул Вежды, занятый собственными переживаниями он не примечал тревогу стоящего обок него создания. – Родитель многое не позволяет. И, конечно, не одобрит предложенного тобой, Блага, потому что наш замечательный Крушец сразу поймет, кто эти изменения привносит. Посему не подходит и твое предложение, по поводу уничтожение латников. Нужно, что-то естественное, в чем нельзя заподозрить нашего вмешательство. Ибо итак Родитель на меня воочью серчает, хоть и не озвучивает. Но я уже не малецык, все вижу... И, естественно, недопустимо, чтобы нашего мальчика мучили, истязали, ему нужна долгая жизнь. Эта жизнь обязательно должна стать долгой, абы наша бесценность, наш драгоценный малецык, Крушец, набрался сил... Посему Ярушку надо беречь... беречь и опекать.

– Таких как господин и людей его общины, – молвила королева и ее уста чуть зримо просияли улыбкой, наполнившись и вовсе ядерной пурпурностью. – Ашерская религия величает отребьем...

Отребье!

Вот так... теперь Яробор, в котором жил божественный Крушец, ноне величался отребьем, вероотступником, инакомыслящим, еретиком, раскольником, диссидентом. Словом тем, кто не принимал господствующего исповедания, власти. Имеющий свою собственную идеологию, признанную правящей системой вредной, опасной, и, несомненно, ложной... Ложной в силу того, что включала в себя истоки, некогда подаренные самим Богом Дажбой, истинной веры. Ложной, потому как в любой миг... момент, духовного прозрения народа имеющей возможность возродиться, всколыхнуться, вернуться!

Отребье!

Хотя таких людей как Яробор, ашеры чаще называли богоотступниками.

Богоотступник, ну, да это величание в отношении Яробора и вовсе не имело смысла. Ибо именно Яробор днесь предоставивший во владение свою плоть и мозг лучице, всеми созданиями населяющими Вселенную, более развитыми и близкими к Зиждителям, считали его... этого мальчика... господина, тем самым божеством.

Да и ашерская религия, коль говорить открыто, и вовсе не имела право использовать такие понятия как богоотступник, еретик, раскольник, потому что сама по первому и возникла как та самая ересь... Ересь, которая благодаря тому, что родилась в правящем классе, вскоре

подгрела под себя, поглотила старые верования, пусть не всегда и во всем точные, но все же ближайшие к основам... к истокам. Она, это вновь выдуманная религия, и созданная, увы! чисто людскими умами, окончательно извратила понимание божественной силы и помощи. Она исковеркала отношение людей к окружающему их царству природы, единожды и завершающе разграничила мир на светлое и темное, установила нерушимые рубежи для действия человека, ограничив возможность свободного выбора, поступка и как такового его осмысления. Ашерская религия направила человечество на путь дальнейшего разрушения общественных устоев и, как результат, будущей деградации и гибели.

Правда сейчас, еще в начальном своем движении в ашерской религии, как и во многих иных течениях верований придуманных под себя, присутствовали люди безоговорочно верующие в чистоту ее божества. Умеющие во имя ее существования и, как они наивно предполагали процветания, переступить не только через жизни своих собратьев, но и через собственную, оправдываясь пред совестью истинной величием Ашера.

Но тот процесс будет длиться лишь ограниченный временной период. Ибо люди, вошедшие во вкус теми самыми изменениями верований, традиций, способностью бесчестить то, что допреж славили, в мале предадут и Ашера. И ашерская религия дрогнет... она сотрясется тогда, когда большая часть человечества окончательно переступит через какие-либо духовные и нравственные границы, и поставит во главе угла всего-навсе материальные ценности.

Однако – это будет много позже!

Будет, но только погода...

А сейчас, когда на Земле жил Яробор, ашерская религия была могущественной силой, умеющей без разбору истязать, умерщвлять, сжигать тех, кто не подчинялся Богу Ашеру.

Потому в тот год, когда Ярушке исполнилось шесть лет по согласованию с Вежды, дабы спасти мальчика и утаить присутствие опеки от Крушеца, было принято решение поджечь по краю леса торфяники. Данная местность, изобиловала застойными озерами и прудами, куда прекратился доступ воды, обильно поросшими плавучим мхом и осокой, каковые степенно оплели собой всю поверхность водоема. Опускающиеся на дно, отмирающие побеги образовали плотные плавучие полотнища, на оных теперь росли кустарники и деревья. Подоженные марухами торфяники, направленным на латников дымом изгнали тех из лесов и сим обеспечили дальнейшую жизнь поселений лесиков. Это изгнание латников марухи (прибывшие из Галактики Господа Мора Весеи, где они обитали в нескольких крупных системах и созвездиях, и являлись основой того Мира) делали еще пару раз в течение последующих лет взросления мальчика, всяк раз выдворяя из земель лесиков вельми, как оказалось, настырных ашерских служителей.

Те частые пожары, о которых лесики знали, абы легчайшая дымка все же достигала и их поселений, хотя никак им не вредила, общинников вельми тревожила... Тревожила, потому как они предполагали, что их вызывают сами латники из ордена Ашера, желающие таким образом подобраться к ним ближе. Поелику подумывали об уходе из этих мест дальше в глубины леса. Сами же латники не раз изгнанные из лесов чадным дымом, возникающим стабильно обок его окоема, и каждый раз, встающий широкой стеной, считали, что это богоотступникам лесикам помогают демоны, бесы, нечисть Лукавого. Лукавый в ашерской религии не значился Богом. Когда-то он слыл старшим помощником у Ашера, но предав его и вознамерившись отнять могущество, был сброшен в горящую преисподнюю, что поместилась в земных глубинах, где вечно горел огонь, пожирающий души грешников. Латники полагали, что злые сподручники Лукавого помогают нечестивцам, а посему возгорались их сердца праведным гневом и желанием изгнать бесов из лесных пределов. Сжечь в огне заблудших, заплутавших в неверии людей тем самым освободив землю от зла, а тела от гниющих душ.

Похоже, ашерская религия ввергла своих верующих и вовсе в сомкнутые границы, сдерживая не только научные, философские, художественные течения, идеи. Запрещая думать

даже о том, что еще на заре человечества было им даровано белоглазыми альвами, гипоцентавами. Эта религия поглощала знания, извращала суждения, летопись времен. Она вгоняла развитие мысли в оцепеневшее состояние... состояние страха и затаенности. Понеже лишь под страхом смерти, пыток, изуверств человек начинает клонить вниз свою голову и более уже не видит над собой неба. Того самого чуда: небосвода, тверди, небесной лазури, небесного купола, выси, небес, единожды созданного Богами, старшим из них Господом Першим с марной синевой и раскиданных по нему сияющих звезд, аль Зиждителем Небо с голубизной насыщенной, глубокой дали.

Глава седьмая

Яробору в этот год исполнилось тринадцать лет, и так как он принадлежал к касте воинов-княжичей (хотя и не обладал для того способностями, ибо все также не умело держал меч в руках, плохо метал копье, не набрал должной мощи в руках и плечах), отцом его, Твердоликом Борзятый, было решено проводить обряд именнаяречения. Отец надеялся, что деды, приглаждающие из Лугов за своими чадами, помогут его сыну.

Сухощавый Яробор проходил на равных все испытания с другими отроками его сверстниками, также принадлежащим к касте воинов. Испытания как таковые должны были показать, достиг ли отрок к тринадцати годам необходимых навыков. Первым из трех положенных испытаний стало умение за короткий срок уйти от преследования и спрятаться в лесу так, чтобы приставленный к нему старший, опытный воин не смог его найти.

Во втором испытании отрок уходил в глубины леса к дубу Бога Воителя. Оставаясь недалеко от него на ночь, мальчик обязан был изгнать из своей души всякий страх. Допрежь того он укладывал под камень оружие, засыпал тайник листьями дуба, собранного под деревом Воителя и зверобоем, каковые по поверьям наделяли его мощью неотвратимости. Разжигая костер вблизи от тайника испытуемый обязан был бдиль под тем оружием всю ночь. Дождаясь особого знака или окрика духа, что означало – он как отрок, достоин получить второе имя, а его оружие – готово к бою.

И третьим самым важным испытанием становилось так называемое вхождение отрока в юдоль. Для этого мальчика поили особым снадобьем, настоящим на травах и сушеном мухоморе, отправляя его сознание в Луга Дедов, где предки сообщали испытуемому новое имя.

Из этих трех испытаний Яробора больше всего пугало именно первое. Ибо уйти от погони, спрятаться в лесу, было почти невыполнимо для мальчика. Он не просто плохо ориентировался в лесу, Яробор там вообще не ориентировался. Хаживая туда в сопровождение сродников, отрок никогда не запоминал те приметные для их взора вещи. Он любил лес лишь по одной причине... Там в недрах той зеленой мощи и листвы испытывал мальчик особую свою хрупкость, точно был согрет и опекаем в такой момент теми, кого любила не столько плоть, сколько само естество. Да и старшим, которому ноне выпало идти по следу Ярушки, стал сам Здебор Олесь, чье величание значило лесной. Охотник и следопыт, лучший друг старшего брата Чеслава Буя, муж взрослый и многоопытный от которого уйти досель никому не удавалось, тем паче спрятаться.

Хотя Боги, Вежды и Седми тревожились иному испытанию мальчика. Тому самому последнему, введению в транс, абы понимали, что это может, вельми неоднозначно отразится на Крушеце... Малец мог и вовсе запаниковать и выплеснуть на них такую мощь зова, которая болезненно отзовется во всех Зиждителях, и может навредить самой лучице.

Посему Вежды пред началом испытания побывал у Родителя.

Господь неторопко вступил в залу маковки из зеркальной глади стены и с той же медлительностью направился к стоящему посреде помещения креслу.

– Что сказал Родитель? – взволнованно поспрашал Седми и обдал мышиною дымчатостью своих очей старшего брата.

Димург скривил в недовольных изгибах свои толстые уста и единожды качнул головой, и глазом в наверхие своего венца, досадливо протянув:

– Высказал, свое недовольство тем, что я давеча уничтожил этих латников, кои собирались сызнова идти на нашего мальчика. Сказал, коль я еще позволю себе, что-либо без его ведома и одобрения, Он передаст меня на руки Отцу.

Вежды и впрямь последних латников уничтожил. Поелику вельми устал от настырности этих людей, и, услышав в новом докладе Благи о готовящемся нападении, повелел анчуткам

пульнуть с маковки по этому, как Господь выразился «безумному сборищу», малую севергу. Вероятно, тем пламенем не просто уничтожив самих латников, но и встревожив Крушеца, або движение северги в мироколице и над землей было видено лесиками. Димург медлительно подошел к креслу, поверхность которого напоминала побуревший, подавшийся гнили овощ, опираясь руками о высокий ослон оного, замерши, стоял Седми, и остановился напротив брата. Неяркое сияние почти серого полотнища в своде залы заполонило его не облаками, а прямо-таки предгрозовыми тучами придавшими и без того темному помещению расстроено-печальный, сгустнувший вид.

– Похоже, – заметил Вежды и лишь теперь развернувшись, опустился в кресло. – От Родителя не утаилось, что мы переносили мальчика тогда, когда цепляли Лег-хранителя на маковку. Интересно, сколько раз его за это время видел, а сказал мне об этом только сейчас. – Бог оперся спиной об ослон кресла, и, воззрился в зеркальность, в то самое место, где отражалось лицо Седми. Теперь Димург заговорил бархатисто-мелодичным голосом, точно впитавшим его баритон и заодно бас-баритон Першего, передавая слова Родителя, – мой бесценный Вежды, не стоит творить, что-то вразрез с моими замыслами. Тем более стараясь укрыть от меня очевидное. Это мое последнее предупреждение лично тебе, моя любезность... Более не будет. И как бы ты мне не был дорог, обещаю, еще нечто в виде перемещения мальчика, без моего одобрения, и я тебя накажу.

– Одначе, – негромко дыхнул Седми.

Вежды малозаметно повел плечами, словно стараясь сбросить с них накиннутый поверх голубого долгого сакхи фиолетовый сквозной плащ, стянутый на груди крупной серебряной пряжкой в виде перста, осыпанного по своему наверху крупным янтарем.

– Вот тебе и одначе, – произнес, чуть фыркая Димург, и лицо его просияло широкой улыбкой. – Странно, что апекс не помог скрыть перемещение мальчика, он вообще-то прекрасно заглушает какое-либо движение живой плоти... Впрочем, с тем Родителю неизвестно, что мы сховали с тобой, а значит, щит который я на тот момент установил над маковкой, скрыл наше внутреннее перемещение в ней, и разговоры. Выходит, кто-то на Земле приглядывал за мальчиком от Родителя. Приглядывал, потому не сумел проникнуть сюда на маковку... Или, – все также задумчиво и сияя, произнес Вежды, и огладил перстами свою дугообразную бровь. – Пригляд установлен за нами. Скорее всего за мной, потому тот кто бдит, передал на Родителя с Земли информацию, а на маковке под щитом его звук потерялся. Да... раз Родитель не знает о том, что мы с тобой сховали, точно кто-то следит за мной... Наверно и за тобой малецык.

– Кто? – встревожено спросил Рас и обернулся, точно жажда разглядеть того, кто его бдил.

Он рывком убрал руки с грядущки ослона, и медленно обойдя кресло, принялся прохаживаться вдоль залы вблизи от Вежды.

– Да, откуда ж я знаю кто, мой милый, – неспешно роняя слова, отозвался Димург, взором следуя за двигающимся младшим братом. – Это же создания Родителя. Их невозможно увидеть, кроме как ты понимаешь особо доверенных, таких как гамаюны... Ну, ладно, думаю теперь надо всяк раз создавать щит. Хотя Родитель коль о том прознает, а Он, несомненно, прознает, воздействует на маковку луучем. Да, а после, вероятно, сдаст меня на руки Отцу, что будет вельми не приятным. Ибо я не люблю тревожить нашего дорогого Отца... Кстати насчет Отца, его, похоже, намедни к себе вызывал Родитель, и, что-то обсуждал. О том Родитель обмолвился, как-то вскользь. Я, обаче, спросил Его напрямую, о причине вызова Отца, а Он ответил, что это-де меня не касается. Меня-де касается одно, пригляд за мальчиком на испытании так, чтобы он не пострадал. А Крушец более не буйствовал, как получилось в прошлый раз.

Сказывая про прошлый раз, Родитель имел в виду, что выпущенную с маковки малую севергу в латников приметили не только лесики, но и Яробор. Тогда мальчик недвижно застыл

на месте, уставившись в небо, точно стараясь разорвать взглядом саму атмосферу и дотянуться до маковки четвертой планеты, заметив быстро летевший по нему круглый огонек, за которым тянулась тонкая веревочка. Полет огненного шара продолжался не более нескольких секунд. Он будто врезался в густоту леса, где-то далеко, а миг спустя в той местности, над кронами деревьев, появилось облачко сизого дыма, степенно рассеявшееся. Вместе с исчезновением огненного шара, послышался гул и рокотание, и сама оземь под ногами тягостно сотряслась. Прошло минут десять, после падения огненного шара, когда Яроборка нежданно рывком сомкнул очи и туго качнулся взад... вперед. Его тело окаменело, а ноги подкосились. Мальчик плашмя рухнул на оземь, врезавшись лицом и грудью в его плотную поверхность. Еще чуть-чуть и по туловищу, конечностям волной прошла судорога, каковая скрутила не только руки, ноги, позвонок, но, кажется, и каждую жилку на теле. Яробор еще раз надрывно дернулся, а после застыл так, что подбежавшим к нему сродникам показалось, он не просто прекратил дышать, остановилось биение его сердца. А мгновение погодя высокий, доступный и направленный на Родителя звук рассек Вселенную, с особым звоном прокатившись по Отческим недрам. Зов, в котором Крушец выплеснул все свое негодование на Родителя. Пришедший в себя несколькими часами спустя Яробор, был не только слаб, но в течение еще семи-девяти дней жаловался на боль в голове и звучащий в ней шум.

Очевидно, такое состояние мальчика встревожило не только его родителей, но и как понятно Богов, Родителя. Однако в этот раз от осмотра отрока на маковке отговорил Родителя Вежды, предположивший на основании доклада Лег-хранителя, что саму боль и шум посылает Крушец, таким побытом, стараясь обратить на себя внимание... Внимание, Определенно, Крушец знал, что его бдят... Он наверно и хотел всего только, чтобы приглядывали за его плотью открыто. Что в целом не входило в замыслы Родителя, потому как последний желал роста Крушеца. Роста, взросления и посему все замыслы Родителя были ноне направлены лишь на одно, не просто на сцепку, спайку лучицы с плотью, сколько на получение мозгом мальчика новых эмоций, знаний и чувственности, которые становились невозможными в состоянии спокойствия, благополучия и отсутствия соперничества... Да и в ближайшие планы Родителя входило становления Крушец, как Бога, в отношении той плоти в одной днесь он обитал.

Яробор бежал очень быстро. Он знал, что время теперь работает против него, поелику он никогда не бегал быстро... ретиво так как его сродники, желая ходить и хаживая медленной поступью. Стучащий по спине своим деревянным боком кожаный колчан всяк миг точно подталкивал мальчика вперед оперенными наверхиями стрел, приболно ударяя его в затылок, хлопая по синему холсту краски, рубахи туникообразного покроя, дополненную скошенными, прямыми рукавами и воротом, застегивающимся на пуговицу. Обряженный в серые порты, имеющие пришивной, узкий пояс, где на одном из швов находилась прореха для подвязывания их на стане. Порты были короткими и заправлялись в каньши, сапоги на жесткой подошве с мягкими широкими голенищами, привязывающиеся к щиколотке и под коленом ремешком. Краска всегда одевалась навыпуск, и посему опоясывалась поверху покровкой с рельефными, узорчато-вышитыми обрядовыми символами. Покромка, и сама формирующая круг... коло обок человеческого тела употреблялась как оберег от злых демонов, бесов, нечисти.

Лесики считали, что в вышивке украшающей покровку заключены не просто символы, а письмена. Данная вышивка относилась к так называемой узелковой письменности, наузам. И коли женщины вплетали ее в пояса и очелья, то мужи наравне с рунической плели ее на нитях. С помощью определенных узелков подвязываемых к основной нити, формировалось слово понятие, кое друг от друга отделялось красным волоконцем. Сами нити опосля сматывались в клубки и хранились в берестяных ларях. Помимо науза, лесики использовали и рунические образы при письме, называемые карунами. Каруны были, как и иероглифическое письмо, и образно-зеркальная молвица, когда-то предоставлены землянам гипоцентравами, частично

заменяв ранее дарованную белоглазыми альвами слоговую письменность начертанную образом «черт и резов», а также ту самую узелковую, которой учили темнокожих детей нежить печище Димургов, и отпрысков Асила ометеотли и дзасики-вараси печище Атефов.

Бегущий Яробор в руках сжимал ноне лук, самострел был дорогим оружием, потому принадлежал лишь старшим. Порой своими концами-рогами выточенными из дуба лук задевал ветви деревьев, абы отрок, убежав из поселения, допрежь перебравшись вплавь через реку, углубился в смешанный хвойно-лиственный гай, где степенно на смену березовым и осиновым рощам наполненным утренними лучами солнца пришли глухие ельники. На место, каковым засим широкой полосой протянулись полутемные липники, где кроны деревьев скрыли не только солнечный свет, но и само небо от глаз мальчика. А после сызнова появились светлые сосновые боры, перемешанные еловыми вкраплениями сарафанно-раскидавшими свои мощные в сравнение с верхними, нижние ветви. Иноредь ветви деревьев вроде, как и вовсе сплотились с землей, сверху присыпанные опавшей хвоей, листвой, они были схоронены полстинами зеленых мхов, одновременно скрывающих и саму почву, приглушающих гулкие звуки подошв канышей Яробора.

Переплыть через Кривулю отроку посоветовал его племяш и друг Браним Горяй, каковой когда-то также смог уйти от погони и спрятавшись в глубинах леса, вернулся домой к вечеру, будучи так и не найденным. Ведь по правилам испытания догнать и разыскать беглеца старший должен был до того мгновения, как Бог Солнце Дажбы достигнет на небосклоне две трети дневного пути. Впрочем, Яробор и не надеялся столько продержаться, так как уже сейчас весьма запыхался и утомился, а от сырого белья и обуви, которые не снял, почасту покрывался крупными мурашками. Липкий, стылый пот, смешиваясь с водицей, напитавшей ткань, неприятно тулил одежду к телу и мальчик оттого морщил свой гладкий лоб, вскидывая вверх дугообразные, русые брови.

Отрок вмаде перешел на шаг, широкая ветвь ели резко и хлестко ударила его по лицу, стесав на лбу кожу и окатив жесткостью очи так, что он едва слышно застенав, остановился. Набухшие две капли крови на лбу мальчик спешно смахнул, а засим принялся оглаживать кожу на месте пореза и на малеша притупивший краски левый глаз. Отдышавшись совсем немного, Ярушка глубоко вздохнул и прислушался. Кругом него лес также насыщенно дышал... дышал и жил. Деревья легохонько покачивали своими ветвями, и колыхались на них не только мелкие отростки несущие один-два листка (махую россыпь хвоинок). Шевелились и мощные ветви, потряхивая своими островерхими верхушками и плоскими листьями всякой разной формы то лопастной, то крылевидной, то яйцевидно-ромбической, то с широким клиновидным основанием, то почти усеченным, то дланевидно-пальчатым... косо-сердцевидным... косо-овальным.

В голубых небесах, прикрытых размашистыми кронами лиственных деревьев подступивших вплотную к конусным темно-зеленым елям, сквозное белое одеяло облаков, протянувшись по всей его поверхности, всколыхнуло смурь в Яроборе... Та самая тоска, жившая в мальце с рождения, ноне не просто напомнила о чем-то дорогом, но и словно надавив на горло, на малость остановила в нем дыхание... и с тем течение самой жизни. Легкие трели птиц наполнили лес изнутри, и сняли своей теплотой болезненное состояние с самой плоти отрока. Летнее утро только вступало в свои права. И желто-насыщенный свет зачинающегося лета, и лучи выпорхнувшие от звезды Солнца, от Бога Дажбы, днесь берущего управление в свои руки, насытили лес. Лучи обогнули мощные стволы деревьев, просочились сквозь кроны, ветви, чрез сами зелено-ядренные листья, проскользнули промеж малых хвоинок, и, соприкоснувшись с оземью, прикрытой мхами, заиграли на ней малыми каплями росы впавшей с неба, и брызгами скатившимися с одежды мальчугана. Порывистое дуновение принесло к ноздрям Яробора не только свежее-настоявшийся аромат леса насыщенного хвойной смолой, слегка горьковатый, но и прозрачный дух земли пропитанной сладковато-пряным соцветием трав, оные нынче в начале кресень месяца набрались силы.

Далекий хруст ветви вывел из любования отрока. Он тревожно оглянулся, обозревая раскинувшиеся позади него зеленые нивы и вздрогнул, так как вельми плохо ориентируясь в лесу не смог признать ничего здесь знакомого. Яробор и вообще не хотел проходить испытания и о том давеча вечером сказывал отцу, объясняя, что он не воин, не следопыт и не охотник, потому легко может заплутать. Но Твердолик Борзята, несмотря на уговоры супруги, остался непреклонным, ибо каждый из его сынов и внуков дотоль с достоинством проходили испытания. И не желал старшак общины каким-либо образом потворствовать слабости, именно духовной слабости меньшого сына. Хотя и весьма беспокоился, что его любимец и поскребышек, такой умный и неординарный мальчик, не способен достойно держать меч в руках. Потому Твердолик Борзята, непременно, жаждал, чтобы Яробору удалось пройти испытание... хоть убежать... продержаться пару часов. Отрок же питая вельми нежные и трепетные чувства к родителям, не желая огорчать отца, молча, выслушал его назидательную речь и смирился с испытанием. Посему-то и бежал столь рьяно в глубины леса, в надежде продержаться хотя бы немного. И пусть не пройти испытания, но все же не отказаться от него, не дать слабину и не опозорить собственный род и Дедов.

– Ох! – тихо дыхнул мальчик и теперь развернувшись полностью, оглядел позади себя едва заметную тропку, пробитую собственным скорым бегом.

Нежданно хруст и скрежет, густой волной, наполнили лес, и долетел он с той местности, где наемни пробегал Яробор. И тотчас справа на ветку ели опустилась сорока, и вовсе голо-систо заполонила своим стрекотом гай.

«Погоня!» – промелькнуло в голове отрока и он не мешкая развернувшись, сорвался с места. Уже не обращая внимание на хлестающие по телу и лицу жесткими хвоинками ветки... Уже не понимая, что таковой хруст и скрежет не может издавать охотник и следопыт Здебор Олесь, днесь направленный марухами по ложному пути.

Бешенный бой сердца мальчика, казалось, желал разорвать грудную клетку и вывалиться под ноги. Тугой болью полыхала внутри голова, и на доли секунд смаглость сияния заслоняла очи. Движение ног Яробора нежданно сбилось, они вдруг дрогнули в коленях, а засим вроде как переплелись меж собой. Мальчик рывком дернулся вперед и почувствовал, как порывчато зацепился обеими ногами за что-то, да тотчас полетел вниз в обрывистый овраг, раскинувшийся узкой вытянутой ложбинкой. Однако, правая нога не просто зацепилась за пучающийся корень, она прямо-таки спаялась с ним, и последний резко дернул на себя падающего мальчика, не дав возможности свалиться на дно оврага. С тем, впрочем, сей древовидный стержень, при-больно рванул саму ногу в щиколотке. Яроборка треснулся лицом об откосную стену ложбины и повис вниз головой, выронив из рук лук.

Только через некоторое время, узрев и осознав, что ближайшее его приземление составляет метра три не меньше. Дно оврага представляло, из себя, глинисто-каменное русло речушки, совсем узенькой, точно вправленной в границы небольших, корявых, иссеченных камней, местами прикрытых плетушимися стеблями брусники с кожистыми, блестящими листочками.

– Ой! – и вовсе еле слышимо дыхнул отрок, понимая, что коли он сейчас свалится, угодит головой прямо на эти коряво топорщившиеся валуны и тогда вряд ли пройдет испытание, если вообще сможет остаться в живых.

Повисший вдоль головы колчан туго качнулся, укрепленный на широком ремне, он степенно слез вниз с плеча, и, сорвавшись с вытянутых книзу рук, улетел в направлении лука. А вслед за колчаном носок сапога предательски, дрогнув, соскользнул с древовидно-натянутого силка-коренья, и Яробор дернувшись всем телом вниз, громко закричал... Столь громко, что плоть его надрывисто сотряслась и тотчас окаменела. Туловище прогнулось покатою дугой в позвоночнике, веки разом сомкнулись и сердце единожды махом перестало биться. А миг спустя высокий, доступный одним Зиждителям звук рассек Солнечную систему, все Галактики

входящие во Вселенную и с особой мощью прошелся по маковке притулившейся на четвертой планете. Крушец тем зовом сообщал своим сродником, что он напуган, в беде и не желает... сейчас не желает расставаться с этой плотью.

Прошла, по-видимому, лишь доля мгновения, в котором тело отрока уже преодолело почти половину откосной стены оврага, когда гулкое, беспокойное трещание сорок наполнило не только ближайшее к оврагу дерево, но зазвучало и внутри ложбинки. Черно-белые крылья сороки, трепещущие на маленьком ее тельце, стремительно просквозили по дну оврага, едва всколыхав вялотекущие воды узкой речушки. Черные лапки птички, коснувшись покрытого брусничными стеблями валуна, немедля ярко вспыхнув мерцающими, черно-белыми струями света, выплеснули высоко вверх поток сияния, поглотив и саму сороку, и падающего вниз Яробора. Однако, всего-навсе затем, чтобы крутнувшись по спирали живописать вельми высокую в сравнение с человеком королеву марух, крепко держащую в объятиях потерявшего сознания и окаменевшего мальчика, все поколь висящего вниз головой.

Легкое чи... чи... чи раздалось подле стоящей королевы и на соседний с корявыми боками камень опустилась еще одна сорока. Она также как королева выкинула вверх черно-белые дымчатые лучи света, резво пошедшие спиралевидной дугой, и в мале обратилась в еще одну маруху. Такую же, как Блага высокую с выточенной фигурой с серовато-стальным цветом кожи, зализанными назад волосами, только не серебристыми, а почти черными. Обряженная в сине-черное долгополое одеяние точно собранное из широких отрезков ткани, обмотанных вокруг туловища, а посему не имеющего швов, стыков, пуговиц, застежек и рукавов. Изящество тому одеянию придавало множество мельчайших, узких складок, подчеркивающих покатошь стройных форм тела, с тем, однако, скрывающие не только ноги, но и стопы как таковые.

– Скорей! – властно произнесла королева.

И иная маруха торопливо ступив к висящему отроку, присев на корточки подхватила его голову. Она бережно приподняла тело мальчика, и, помогая Благе, перенесла и уложила его ниже по руслу речки, где расширяющийся овраг предоставлял места не только для выстилающих дно камней, но и порос низкой зеленой травой.

Уложив все еще окаменевшего, в беспамятстве Ярушку на землю королева присела под него так, что задравшееся ее бело-черно одеяние, наконец, показало скрываемые дотоль ноги, не имеющие ничего общего с людскими, а похожие на лапы ящерицы. По своей округлой форме имеющие не просто один коленный сустав, а два расположенных чуть выше и ниже того, что был у человека. Четырехпалая, округлая стопа, где просматривались пальцы, два удлиненных поместившихся впереди (на оные шла опора), и два иных по краям, явственно придавала марухам сходство с миром пресмыкающихся.

– Что с господином ваше королевское сиятельство Стрел-Сорока-Ящерица-Морокунья-Благовидная? – на одном предыхание спросила маруха и ее блекло-серые радужки полностью заполнили раскосые очи со вздернутыми кверху уголками.

– Не ведаю маги Лет-Сорока-Змея-Морокунья-Ведомая, – чуть слышно отозвалась королева, беспокойно ощупывая лишенное жизни лицо отрока, с красноватым подтеком под носом. Она нежно огладила материю краски на его груди и на малость замерев в области сердца и вовсе тягостно произнесла, – Дхийо Йо Нах Прачодайат! великий Творец Господь Мор! Сердце не бьется!

– Нет! нет! ваше королевское сиятельство, – шибутно проронила маги и также опустилась подле мальчика на присядки. Она, обхватив, приподняла напряженную руку отрока, внутри не просто сведенную корчей, а словно забитой камнями. – Конечности окаменевшие, – нежно массируя перста мальчика, отметила маруха, – такого не может происходить впервые мгновения гибели с человеком. Омертвление плоти приходит позже, это нечто иное. Надобно срочно связаться с Господом Вежды.

– С Господом Вежды? – протянула потухшим голосом королева. – Да, конечно, надо связаться с Господом.

Блага не мешкая вскочила с присядок, и зримо качнувшись всей плотью туды... сюды... сомкнула очи. И на том месте, где у человека были виски, а у марух располагались вытянутые тонкие щели, начинающиеся от уголков очей и уходящие под волосы, с округлыми краями зримо колыхающиеся, неожиданно яростно вспыхнула голубоватая изморозь и точно выпустила из своих недр сине-зеленый, густой дымок.

Глава восьмая

Раскатистый крик Крушеца не просто прокатился по Галактикам, он переполнил всю маковку так, что на ней на миг притухло сияние, и точно резонировал от Родителя да возвратившись на четвертую планету с особой мощью прошелся по замершим в зале Богам. Очевидно, Родитель негодовал и данное негодование выплеснул на Вежды и Седми, отчего оба Зиждителя тягостно закачавшись взад... вперед, будто подрубленные деревья повалились в кресла, с которых дотоль поднялись.

– Что случилось? – болезненно морщась, протянул Вежды, и, притулив левые перста ко лбу, вдавил голову в ослон кресла.

– Не ведаю, – еще тише отозвался Седми и его высокий, звонкий тенор тягостно сотрясся в такт колыханию всей плоти и даже серебристого сакхи. – Не ведаю, – добавил он погодя и качнул головой, где ноне обод в виде тонкой, красной бечевки огибающей ее по коло зримо полыхнул рдяными переливами света. – Лег-хранитель не выходит на связь, что-то произошло.

Густые полотнища облаков, дотоль скрывающие свод, неожиданно, точно прохуdivшаяся материя громко хрястнув, разорвали свои стыки, и легкими пуховыми комками посыпались вниз. Роняя свои перьевитости на кресла, пол, на тела Зиждителей. Особой плотностью окутывая голову Вежды, ноне на которой также находился малый венец, в виде тончайшего обода окутанного багряными нитевидными сосудами и белыми жилками, без положенного глаза в наверхие.

Прошло, вероятно, несколько мгновений, движение века Вежды и дуновение, посланное Родителем, окутало облаками всю голову Господа, и разком на ободу его густо замерцали багряные сосуды, оплетающие саму поверхность. Димург, вдруг надрывно вздрогнул и с тем облачные куски, отпав от головы, каплями воды осели на материю его серебристого сакхи, а после он торопливо молвил:

– Мальчик в беде. Крушец напуган, паникует и с тем негодует, как передал Родитель. Нужно срочно оказать помощь, не унося плоть с Земли. Я возьму Трясцу-не-всипуху и отправлюсь. – Вежды не мешкая поднялся с кресла и днесь напряженно замер, понеже в его ободу запульсировали неожиданно и белые жилки. – Блага передает, что мальчик подле них, и судя по всему в беспамятстве. – Димург беспокойно оглядел все еще сидящего в кресле Раса, и мягко добавил, с особой авторитарностью своего баритона, – Седми немедля сними с себя обод. И жди... Я буду скоро.

Димург на этот раз не стал выходить из залы как положено, ибо торопился. Он внезапно ядрено вспыхнул весь золотистым светом, обратился в горящую искру и пропал.

– Что? Что сказал Господь Вежды? – испуганно зырякая на королеву поспрашала маги Лет-Сорока-Змея-Морокунья-Ведомая.

Стрел-Сорока-Ящерица-Морокунья-Благовидная неспешно качнула головой, а в очах ее с тем движением блеснули слезы огорчения... ощущения того, что она не справилась с порученным ей. Подвела Господа Вежды, всегда столь мягко и трепетно относящегося к ее племени, и к ней в частности. Она подвела не только благодушного Господа Вежды, но и своего Творца, Господа Мора, подвергнув опасности столь дорогую всем божеским созданиям лучицу... лучицу обожаемого ею Господа Першего.

Золотое сияние озарило не только всю ложбинку, но и раскиданные справа... слева берега, поросшие могучими деревьями, да отразилось радужной игрой в воде. И в шаге от королевы появился Вежды, крепко держащий за руку, словно повисшую в воздухе и покачивающуюся туды... сюды Трясцу-не-всипуху. Бесица-трясавица походила на тощую, иссохшую женщину, с точно сразу натянутой на кости серой кожей. Потому и сами чагравого цвета

кости явственно сквозь ту тонкость проступали, и коли на груди вырисовывались округло-выпирающими рядьями ребер, вспять угловато топорщились в суставах на локтях, коленях, плечах и запястьях. Трясца-не-всипуха не имела одежды, будучи голой, на ней отсутствовали какие-либо признаки пола, волос. Туловище по форме схожее с человеческим, впрочем, имело несколько угловатый скат, из которого, словно из единой макушки, выходили ноги, также весьма худые и завершающиеся здоровущими стопами, лишенными пальцев, вместо которых там находилась покатая впадина. На голове, чем-то напоминающей сычнину, крупной, широкой с ярко выраженным лицевым диском и маленькими, торчащими кверху из наверхия ушками, слегка увитыми черными курчавыми волосками, присоседились короткие, серо-дымчатые лохмотчатые волосы, вроде даже несколько их клоков. Само же лицо и вовсе казалось дивным, поелику не имело как такового носа, в том месте у бесицы-трясавицы просматривалась полусферическая выпуклость, с выступающими, слегка даже вывернутыми устами, да большим единственным глазом. Одначе, око, было значимым во всем лице Трясцы-не-всипухи, так как не только казалось огромным в размере, но и помещалось в центре лба. Глаз не имел, как таковой радужной оболочки в нем находилась лишь ярко-желтая склера и крупный, квадратный, черный зрачок.

– Ретиво! Ретиво! – повелел Вежды, пред тем как выпустил руку бесицы-трясавицы из своей, и бережливо опустил ее на оземь. – Что? Что с нашей драгоценностью?

Трясца-не-всипухе не пришлось указывать дважды, ибо не успели ее стопы коснуться земли, как она торопливо дернувшись, вмиг подскочила к лежащему отроку, и опустилась пред ним на колени, положив обок себя небольшой сине-зеленый, переливающийся коробочек. Вельми шибутно она мотнула головой, тем самым повелевая убираться прочь, все еще сидевшей подле мальчика маги марухи. Тотчас сама принявшись ощупывать голову, и грудь Яробора, подсвечивая все это время себе выпорхнувшим из единственного глаза едва зримым дымчато-серым столбом.

– Глубокий обморок, небольшой сбой в работе сердца возникший вследствие однократного нарушения сердечного ритма, – молвила, наконец, скрипуче-писклявым голосом, точно собираясь разреветься, Трясца-не-всипуха.

Бесица-трясавица приглушила сияние собственного глаза и дымок словно рассеялся по лицу мальчика. Тем временем она взяла с оземи принесенный коробок и надавила перстом на его гладкую крышечку. Резко щелкнув, крышечка самую малость сдвинулась в бок, показав серебристое округлое дно и лежащую в нем прозрачно-стекляную с полпальца капсулу. Трясца-не-всипуха медлительно вынула капсулу из коробка, а та в свою очередь мгновенно растянулась, став схожей с упругой, узкой спиралевидной пружинкой, да заходила ходором туды... сюды. Поднеся, эту растянувшуюся не меньше чем в перст, пружинку к губам мальчика, бесица-трясавица осторожно приоткрыла его сведенные корчей губы. Бережно она возложила растянувшуюся капсулу на плотно сжатые зубы мальчика, расположив ее горизонтально, и будто материей, обеими устами прикрыла сверху.

– Блага, что здесь произошло? – голос Вежды прозвучал достаточно ровно, понеже Господь не просто увидел огорчение в лице королевы, но и почувствовал его своей божественной силой.

Хотя с этим, Димург сейчас не смотрел на маруху, он неотступно следил за действиями бесицы-трясавицы да изменяющимися, степенно смягчающимися чертами лица Яробора. Королева достаточно четко и быстро пояснила Богу о случившемся с мальчиком, добавив, что он просто запаниковал, поелику тот, кто должен был его выследить, как и намечалось, находится далеко. И идет он по следу нарочно оставленному для него марухами.

– Плохо, плохо, что наш малец так кричал, – недовольно заметил Вежды, и, переведя взор с лица мальчугана, по теплому взглянул на королеву, успокаивая ее той мягкостью. – Очевидно, теперь Родитель мне не раз выскажет. Да, и, похоже, зов малецыка сбил настройки в Лег-

хранителе. Ноне будет работать с шумом и беспокоить моего милого Седми. Но хуже всего, что в Млечный Путь Родитель может прислать кого из Отцов, а это нам днесь совсем... совсем сейчас не надобно.

Трясца-не-всипуха промеж того надавила на крышечку коробок с другой стороны, и та сдвинувшись самую толику, вползла в уже приоткрытую ее часть, живописав внутри себя вязко-трепещущее белое вещество. Надавив сверху на которое бесица-трясавица словно выудила из ее полотна сразу на все три перста тонкую, длинную струю мази. Поднеся те пальцы к лицу Яробора, она легкими взмахами стала наносить мазь ему на лоб, очи, губы, каждый раз оставляя там мелкие крупинки, оные немедля растекаясь, впитывались в поверхность кожи и придавали ей живости. Трясца-не-всипуха нанесла мазь также на виски, шею, запястья обеих рук мальчика, и, развязав покромку, покрыла ею область груди, при том оттянув материю краски.

– Что?.. Трясца-не-всипуха не молчи, говори, что с мальчиком, – взволнованно произнес Вежды, дотоль обговорив все с королевой марух и повелев ей поколь выставить дополнительные охранные посты. Посему маги марух уже обернулась сорокой, порывисто взметнула своими крылами, и, поднявшись в воздух, громко затрещав, полетела выполнять указанное.

– Господин очнется, немного погодя, – как-то вяло протянула бесица-трясавица, и, закрыв коробок, оправила на мальчике краску.

– Ты говоришь неуверенно. Мне, что донести до Родителя, эту твою невнятность? – достаточно гневно спросил Вежды, и данное негодование отразилось в металлических нотках его голоса съевшего всю бархатистость, да в золотом сияние кожи на миг поглотившем всю черноту.

– Господина надо осмотреть на маковке, Господь Вежды, – все с той же вялостью молвила Трясца-не-всипуха. – На маковке, где есть Огнеястра, Грудница, Коркуша, Гнетуха, Дутиха, Лидиха, а так, – бесица-трясавица прервалась, сызнова оцупала лицо отрока, приподняв веки, заглянула в правый, левый глаз. – А так уж, простите Господь Вежды, одна неопределенность в том, что с господином все будет в порядке.

– Хороший ответ. Просто замечательный ответ, – глас Димурга накрыл своей мощью всю ложбинку, осыпав не только поверхность земли с берегов, вырвав травы, но и усеяв приникшие ветви деревьев выдохнутой всей плотью розоватой изморозью. – Именно такой ответ я должен донести до Родителя. А после, Трясца-не-всипуха, как мне обещал Родитель и ведаешь ты, быть высланным из Млечного Пути. Молодец! Ты, молодец, Трясца-не-всипуха, ценю твою преданность и любовь.

Бесица-трясавица зажав в правой рук коробок, медленно поднялась на свои худобитные ноги. Она слегка развернула вправо сычиную голову и с нежностью, в которую явно вложила беспокойство, оглядев Бога с головы до ног, туго выдохнула через рот. Еще совсем немного Трясца-не-всипуха зарилась на серебристые сандалии своего Творца, а посем тоном в коем, обаче, не ощущалось положенного иным созданиям благоговения, вспять дюже строго (словно говаривала с подчиненным) сказала:

– Зачем же Господь Вежды всяк раз на молвь откликаться таким волнением, сие вельми не благостно сказывается на вашем здоровье. А по поводу господина, можно Родителю доложить следующее... Здоровье мальчика очень слабое. Необходимо в ближайшее веремя произвести пересадку определенных внутренних органов, хотя, как вы и сами понимаете, наилучший вариант новая плоть. А поколь господину надо беречься, как можно больше находиться в тепле, пить вытяжки оные по нашему поручению ему дает его мать, и не в коем случае не шастать по этим лесам в поисках неизвестно кого. Надо было, как предлагали мы, воздействовать на его родителя и запретить это ужасное испытание. А днесь, мне и вообще, кажется, господин сместил в сторону хрящевую часть перегородки, посмотрите, как у него припух нос.

И без задержу не только бесица-трясавица, но и Бог, и королева воззрились на припухший нос мальчика, выделяющийся красноватой отечностью на смуглой коже.

– Я не могу ничего утверждать по поводу носа, господина, – глубокомысленно дополнила Трясца-не-всипуха и качнула повисшими повдоль тела руками. – Ибо не являюсь в этой области мастером. Здесь нужна помощь Гнетухи.

– Ладно... ладно, – сварливо перебил свое создание Вежды и по лицу его пробежала рябь болезненного недовольства, так как он тоже желал отнести мальчика на маковку, сейчас покуда тут никого нет из старших Богов.

Он желал отнести и подлечить. И единожды с тем боялся, что это перемещение может закончиться гибелью столь дорогого ему Крушеца. Столь дорогого его Отцу Крушеца. И давеча в разговоре с Седми молвил:

– Будем держать в тайне состояние нашего Крушеца. Эта жизнь очень важна. Несомненно, она должна быть долгой, и коль началось построение самого естества, это значит, что следующее вселение станет последним. Если сумеем продлить существование данной плоти, сберечь, что мы знаем от Родителя. То в следующей плоти, Крушеца, Родитель не станет уничтожать. Ибо сие весьма опасно и пагубно скажется на всех Богах, кто с ним особо близко дотоль общался. И поставит под угрозу почитай всех Димургов, тебя, Дажбу, Воителя, Огня, Круча, на что, как можно догадаться, Родитель никогда не решится.

– А ежели Родитель догадается? – не менее тревожно спросил Седми, который был также привязан к Крушецу и Першему, и не хотел гибели одного, и болезненных переживаний другого.

– Тогда я повелю умертвить плоть мальчика, – ответил Вежды, и рябью заколыхалось сияние на коже его лица, – и, выпустив Крушеца, таким образом, не дам его сгубить Родителю. А там Крушец будет в мироколице и будет время, чтобы ему помочь... спасти... Абы я знаю, Отец второй раз не переживет его потерю.

Посему сейчас воззрившись сначала на мальчика, а после на Трясцу-не-всипуху, которая была достаточно к нему близка и ведала о его замыслах в отношении Крушеца, также как Отекная и Огнеястра, Вежды туго вздохнув, ворчливо досказал:

– Знаешь ведь, не могу унести, чего о том толковать. Знаешь лучше всех, так нет! нет, начинаешь болтать пустое. Подай лучше мне сюда мальчика, я огляжу лучицу и будем уходить, доколь они не очнулись.

Трясца-не-всипуха немедля присела подле лежащего мальчика, точно ощущая, что ляпнула огорчительное для любимого Творца. Она бережно просунула одну руку (в коей все еще сжимала коробок) под колени отрока, а вторую под шею, и рывком подняв его, испрямилась, да медлительной поступью направилась к Богу.

– Блага, надобно, чтобы больше бесценный наш мальчик не пугался, и не падал. Видишь, как это худо отражается на его здоровье, и вероятно на состоянии лучицы.

– Да, Господь Вежды, – торопливо пропела маруха и в той молви послышалась не только мешанина слов, но и сорочинное трещание.

Она низко преклонила пред Димургом голову, понеже не смела вести себя, так как бесица-трясавица. Впрочем, она, как и иные марухи, не смела даже подумать о том, что позволяла себе Трясца-не-всипуха, потому как основу ее племени составляло не просто почтение, а еще и трепет к Богам, в особенности к особо любимому Господом Мором старшему брату.

– Мы постараемся сберечь господина, – добавила королева, – но он слишком эмоциональный. Легко возбудимый и в физическом отношении не уверенный в себе. Он многожды слабее даже тех ребят, кто его младше возрастом. Господин это ощущает и потому страдает.

– Ну, вот и постарайтесь создать условия, абы мальчик не страдал, поколь это все, что мы можем для него сделать, – вздыхая отозвался Вежды, и так как бесица-трясавица подошла к нему, наклонившись, принял мальчика в свои руки.

Зиждитель ласково обхватил малое тельце отрока, и, прижав к груди, любовно оглядел его лицо. Он переложил мальчика на левую руку, и, сжав правую в кулак, слегка припод-

няв, провел перстами над все еще сырой одеждой последнего, вроде просыпав чрез сомкнутые верхние фаланги на нее розоватую изморозь. Бусенцы купно покрыв краску, порты, каньши, покровку и даже волосы зримо дрогнули, и мгновенно впитавшись, тем самым просушили все куда вошли. Вежды теперь нежно провел перстом по поверхности носа отрока, расстроено качнул головой, а после легохонько его подушечкой надавил на правое ушко, поправляя Легхранителя. Еще немного полюбовавшись мальцом, Господь низко склонил голову, и, припав устами к его лбу, где после нанесенной мази бесицы-трясавицы на месте пореза осталась всего-навсе белая тонкая полосочка, чуть слышно шепнул, не очень надеясь, что услышат:

– Малецьк мой, прошу тебя не сердись, не тревожься и не посылай на Родителя свою смурь и негодование. А то мне не удастся тебя уберечь. Тебя моя бесценность, драгоценность, самое милое создание моего любимого Отца.

Глава девятая

Яробор открыл глаза, и порывчато поднявшись с земли, сел. Впервые мгновения своего пробуждения не до конца осознавая, где находится и, что тому нахождению предшествовало. Он еще немного зарился впереди себя, на пролегший пред ним овраг, с отвесными стенами, из которых выглядывали остроконусные пики камней и вылезали корни, похожие на громадных, изгибающих тела змей, а после перевел взор и оглядел себя. Слегка приспущенная покрывка, была наспех схваченной, ибо Трясца-не-всипухе не удалось правильно ее подвязать. А развязанный ремешок на правом каныше все же свидетельствовал, что падение произошло. Иначе, вместе с тем вещи мальчика смотрелись чистыми и на удивление сухими, вроде дотоль он не переплывал реку, или, что вернее упав на землю, лежал долго... потому и просох.

Упал он, впрочем, удачно, не ударился головой, не попал в воду, а вроде скатившись, расположился на травяном участке, сухом и безопасном. Тугая боль стоило только отроку пошевелить правой ногой, все же сказывала, что при падении он пострадал, потому как она отозвалась единожды в пальцах и щиколотке на ней. А хмыкнувший нос загудел пронзительным колотьем, будто по нему давеча кто-то врезал кулаком.

Яробор поднял руку, ощупал перстами припухший нос, да чуть слышно застонал. Он неспешно обернулся назад и прошелся взглядом по стене оврага. Вскоре найдя тот самый корень, подвешенный подле самого края берега, а под ним на дне ложбинки лежащий колчан и сломанный лук... сломанный...

– Ах, ты! – обидчиво воскликнул отрок и торопливо вскочил на ноги, сделав порывчатый шаг вперед.

Однако тотчас правая нога, в щиколотке, дрогнув, подвернулась, а боль накатила с такой мощностью, пробив плоть, кажется, до бедра. Ярушка тягостно взметнул руками, верно намереваясь упасть, впрочем, спешно перенес вес тела с правой ноги на левую, перестав опираться на больную, и с тем устояв.

– Ну, вот, опять! – досада рвалась наружу из мальчика.

Слегка покачиваясь, почти не опираясь на больную ногу, он медлительно, почасту припадая на колени, придерживаясь за нависающую справа от него стену ложбинки, перехватываясь за корни, доковылял до места падения, и со стонами более громкими, присел на один из валунов. Торопко подняв с земли лук, мальчик принялся его осматривать. Лопнувший в верхней половине древка лук точно распался на части и более не был годен, как оружие. Отрок горестно уронил руки себе на колени, при том выпуская из рук лук и горько заплакал, мешая одновременно всхлипы и слова:

– Что ж это, что ж! Почему я такой неумеха. Позор своего рода, самый настоящий выродок! Выродок!

Яробор резко схватил с земли лук, и, размахнувшись несколько раз шибанул им об поверхность камня, отчего послышался значимый скрежет и хруст, и сейчас треснуло и само деревянное его древко. Мгновение отрок смотрел на широкую трещину, пролегшую по поверхности древка, а после туго свел меж собой зубы и срыву кинул лук в направление земляной стены оврага. Немедля вскочив с валуна, он ошалело, от гнева, пнул по лежащему в шаге на земле колчану, из которого частью высыпались оперенные концы стрел, больной ногой.

– Выродок! Выродок! Тощий выродок! – завопил Яробор и теперь все же прошелся подошвой каныша по колчану.

И немедля от испытанной боли надрывно качнувшись, один-в-один, как подрубленное деревце, рухнул спиной плашмя на землю. Но лишь затем, чтобы закрыв лицо дланями зарыдать уже в голос. Тягостно сотрясались плечи мальчика, тело надрывно дергалось на земле,

вроде стараясь сродниться с ней, а губы, едва выглядывающие с под разведенных ладоней, прерывчато жаловались на свою долю:

– Почему? Почему все ребята, как ребята? Все умеют держать меч в руках, любят бегать, охотиться, а я... Я какой-то урод... ущербный урод. Тощий, сухобитный выродок. Плаваю дрянно, бегаю еще хуже. Меча боюсь, охоту не люблю... Почему? Почему такой? Зачем живу? Позор своего рода, батюшки и матушки.

Яробор внезапно гулко вскрикнул, сжал правую руку в кулак и принялся колотить себя в грудь, стараясь, вероятно, пробить там дырку. Он принялся охаживать ударами только длани, уже не собственную грудь, коя от ударов тяжело стонала, а землю... И шибанув по ней раз, другой, неожиданно напоролся на камень, мгновенно распоровший средний палец от его костяшки, вплоть до средней фаланги. Мощное сияние, вырвавшись из головы мальчонки, незамедлительно окутало перекосившееся от боли и негодования лицо так, что он сомкнул очи и прерывисто задышал. Еще немного и прекратились удары о грудь, значимо посветлела обьятая красными пежинами кожа лица, степенно спало и само сияние. Яробор неторопко поднял с земли левую руку, и, взглядевшись в набухающие алые капли крови, стремительно вырвавшись из рассечения и окрасившие кожу в алые полутона, много тише... с каким-то предыханием сказал:

– Черный, как смерть. Черный, худой замухрышка. Выродок, – губы отрока свело неожиданно тугой корчей, он весь словно изогнулся дугой, и, подкатив очи, натянуто выдохнул, – тот, кто имеет природные особенности, отличающие его от живущих подле однотипных существ. – Ярушка рывком дернулся, ослаб его позвоночник, глаза сызнова явили зеленую с карими вкраплениями радужку, и помягчавшие губы, уже много громче дополнили, – вот кто такой выродок.

Тем не только объяснив столь сложное понятие, но и явственно успокоившись, судя по всему, таким образом, на мальчика сейчас воздействовал Крушец... Медленно набирающий в его плоти сил и степенно подчиняющий себе мозг, а значит и самого Яробора.

Впрочем, сам отрок не замечающий того управления сейчас, как много раз и дотоль, переживал ту разность пролегающую меж ним и членами его общины. Эту несхожесть Ярушка заметил давно и очень от нее страдал, переживая внутри свою, как он считал физическую ущербность и духовную отстраненность оттого, что было дорого его отцу, матери, сродникам. Ибо внутри отрока жило иное понимание добра и зла, света и тьмы... Иное понимание Небо и Першего. Яробор никому не говорил, боясь, что его родные не просто не поймут, а осудят, но имя Першего, всяк раз вызывало в нем такое трепетное чувство волнения. Даже страшно сказать, но мальчик любил этого Бога...

Першего, который всегда надсмехался над старой верой, отрицал бытие Родителя, воевал с Богами и извращал, заковывал стылостью души людей. И этого Бога породившего Кривду противницу Правды, мальчик любил сильнее, чем всех вместе взятых светлых Богов. Имя Першего особой теплотой и всегда, словно мелодичным мотивом, отзывалось в голове мальчика.

В сказах лесиков Небо и Перший были с самого своего сотворения разделены на два образа, соответствующие точно цветам, белому и черному. Из самых начальных легенд живущих в лесиках следовало, что в начале начал как таковой суши и не существовало, и везде поместилась вода, по которой в ладьях плавали два Бога. Повелению Родителя Перший нырнул ко дну того бескрайнего океана и достал горсть земли. Из той земли Небо сотворил ровные места, а Перший вспять горы, пропасти, овражки, ямки, вспученности. И хоть никогда не творил Перший супротив Небо козни, однако всегда выступал Богом неудобий, вбирающим и носящим в себе все отрицательные людские черты и поступки, вероятно, и порождающий их.

Слушая, такие сказы, Яробор всегда ощущал внутренний протест, с которым отзывался, иль может лишь надсмехался Крушец. Не всегда отрок мог осознать того протеста, услышать его, тем не менее, почасту произносил вслух, чем вводил в состояние напряженности старших

и в испуг сверстников. Ибо говорил сие глухим, тугим голосом, неизменно при том закатывая глаза, и вроде застывая конечностями.

Именно эти духовные тяготы, о которых нельзя было ни с кем поговорить, и считал Яробор духовным уродством, и нередко темными летними ночами уходя на покой, на сеновал, выплакивал в скирды сухого сена. Только им... немым... умершим божеским творениям доверя собственную ущербность.

Несомненно, такое волнение не лучшим образом сказывалось на здоровье мальчика, но никак не влияло на самого Крушеца, абы нынче он был много крепче, чем в прежних своих человеческих телах. Крушец мог и умел ноне умиротворять плоть, посему на стенания самого отрока не откликнулся Родитель. Вероятно, еще и потому не откликнулся Родитель, оно как Вежды нынче вел свои замыслы. Где первоочередным являлось для Господа сохранение жизни самой лучицы, в связи с чем его доклады в лучшем случае мягко поясняли о переживаниях Яробора, а в худшем, Димург о них Родителю и вовсе не сказывал.

Постепенно Ярушка успокоился, так тоже бывало не раз, что он вдруг раскричится, разволнуется, а после неожиданно резко умиротворится, точно и не было допрежь той ярости его чувств. В такие мгновения подключал свои силы Крушец... И теперь не просто поддерживая, успокаивая как было с Есиславой, а повелевая, подчиняя себе мозг мальчика. Неспешно Яробор поднявшись с земли, сел и принялся снимать с правой ноги каныш, чтобы осмотреть отчего болит лодыжка. Вмале стянув с себя сапог, и поколь продолжая постанывать, мальчик снял с ноги льняной чулок да узрел опухшую, вроде налитую изнутри водянкой лодыжку. Осторожно отрок ощупал пальцами сам сустав, провел подушечками по выпирающим с обеих сторон угловатым шишкам, ноне схоронившимися под той водянистостью.

– Как же я теперь дойду? – более ровно спросил Яробор, ощущая не уменьшающуюся, а словно увеличивающуюся боль в ноге, обращаясь к замершей на краю берега и внимательно на него зыркающей сороке. – Не знаешь? – теперь он явственно обращался к птице, которая запрыгала по выпученному корню дерева и громко затрещала чи... чи... чи.

Откуда-то издалека, может из глубин раскинувшейся зеленой нивы долетело ответное чи... чи... чи. Ярушка туго вздохнул, и принялся сызнова обуваться, решив ремешки с каныша и вовсе не подвязывать, абы не доставлять себе еще большей боли.

– Как ты смела! Я! что? что велел тебе? – пропыхтел переходя на рык Вежды и пронзил своими блеснувшими тьмой глазами сычиную голову бесицы-трясавицы так, что та надрывно качнулась взад... вперед, одначе, все же устояла на ногах. – Велел осмотреть... Осмотреть, помочь. Почему же ты не осмотрела его ногу, как мальчик теперь дойдет?

Бог словно захлебнулся гневом, потому тотчас смолк и закрыл глаза. Он стремительно отвалился на ослон кресла и оцепенел. А зала маковки, похоже, заходила ходуном... туды... сюды закачались стены, поплыл черный пол и зарябил марностью свод, ибо заплюхавшие водой серо-бурые облака, как-то дюже мгновенно принялись изливаться из себя малыми порциями капель.

Седми дотоль фланирующий по залу, резко остановился, и, развернувшись в направлении сидящего старшего брата и стоящей подле него бесицы-трясавицы, мягко, впрочем, с тем и просяще, молвил:

– Вежды, прошу тебя, успокойся, – легкая зябь искорок пробежала по коже его лица, и замерла на губах, придав им и вовсе яркую пурпурность цвета.

– Уже успокоился, мой милый, – немедля отозвался Димург, самую толику приотворив левый глаз и с нежностью обозрев младшего.

– Я вам сказывала, Господь Вежды, – неожиданно вельми досадливо произнесла Трясцане-всипуха, прекращая свое покачивание и в упор зыркая в лицо Бога, стараясь разглядеть его приоткрытое око, едва просматривающееся сквозь тонкую щель разошедшихся век. – Сказы-

вала, господина надо доставить на маковку. Он вельми хрупкого сложения, ему необходимо лечение. Также необходимо осмотреть и саму лучицу, не полагаясь на невразумительный диагноз поставленный Отекной. Нужно доложить о выявленном Родителю, вызвать рани Темную Кали-Даругу, а не прятать лучицу, не скрывать происходящего с ней. И ваши замыслы...

– Замолкни, – это Вежды не сказал, он это дыхнул, так как губы его не шевельнулись.

Обаче, с тем ядрено вспенилось золотое сияние обобщенно на коже лица Бога, и бесица-трясавица сомкнула рот, выполнив повеление своего Творца. Но закрыла она его на малость, а посем вновь отворив, глубоко вздохнула, и продолжала толкование, только теперь по сути происходящего:

– А по состоянию господина. Так я никоим образом не могла определить, что у него проблемы с ногой. Я ведь не Гнетуха. Я не обладаю необходимыми способностями и знаниями. А без знаний сие было бы одно шарлатанство, каковому я не могу потворствовать. Да и обобщающе, мне было велено снять обморок и проверить сердечный ритм. Все, что было указано, я выполнила... а...

– Сказал ведь, замолкни, – рывком бросил Вежды и слегка шевельнулся в кресле, отчего засияли багряные нитевидные сосуды и жилки, окутывающие тончайший серебряный обод на голове, величаемый малым венцом. И тот же миг тому сиянию вторили синие сапфиры, вставленные в уголки глаз Господа и белые алмазы, усыпающие ушные раковины.

– Молчу, – не очень бойко откликнулась Тряса-не-всипуха, и огорченно изогнула и без того выпученные губы, совсем чуть-чуть преклонив голову.

– Вот и молчи, – рыкнул на свое создание Димург, наново разгораясь гневом и с тем в сияние кожи, схоронив всякую черноту.

– А я, что делаю? Говорю, что ли? Я молчу, словно онемела, – молвила никак не утихающая бесица-трясавица, и днесь дернув вниз голову, покатостью изогнула свою и дотоль не дюже ровную спину.

– Ты не молчишь, а пререкаешься, – проронил Вежды и медленно отворил оба глаза, живописав, темно-бурую радужку с вкраплениями пульсирующих черных пежин. Верхние веки, вздыбив от негодования короткие ресницы, подперли дугообразные брови Бога и сделали выражения его лица расстроено-обескураженным.

– Ну, где я пререкаюсь? Я молчу. И вообще пререкаться, это значит выразить вам, моему Творцу неподчинение, аль несогласие по поводу ваших распоряжений. Чего я не могу, вследствие прописанных вами, кодеровок себе позволить. В данной же ситуации я лишь высказываю свое мнение не более того, – весьма длинно и с положенной ей обстоятельностью молвила Тряса-не-всипуха, степенно согнув спину и уткнув голову в выпирающие вперед колени.

– Мнение ты свое высказала многожды раньше, а сейчас именно пререкаешься, – дыхнул, снова прорывав Вежды и гневливо подавшись с ослона кресла вперед, почитай навис над скукоженной недалече от его ног бесицы-трясавицы. – Ты все время со мной препираешься, ведешь не имеющие смысла потения, вступаешь в бестолковые споры и прения. Словом ты меня все время сердешь... и делаешь это, судя по всему, нарочно, ведая, как я тобой дорожу.

– Ничего подобного из ранее вами озвученного, Господь Вежды, я не делаю, – голос Трясы-не-всипухи утонул в собственных ногах, он точно скатился по оголенной поверхности ее колен и щиколоток, и, плюхнувшись на пол, отразился от его черной глади. – Ибо я люблю справедливость и являюсь его частью. Люблю вас и являюсь вашей частью. Потому не смею позволить себе вас сердить, огорчить или расстроить. Я также уважаю непредвзятость и беспристрастность, а вы, мой дорогой Творец, когда тревожитесь или замышляете, что-либо тягостное для вас, как Господа, почасту бываете тенденциозны, необъективны и пристрастны.

– Тряса-не-всипуха, – вмешался в толкование Седми, очевидно, утомленный той бесконечной болтовней создания. – Ежели, ты тотчас не смолкнешь, я тебя испалю. Так как в отли-

чие от моего дорогого старшего брата, являюсь вельми несправедливым и совершенно тобой не дорожу.

И немедля с пшеничных волос Раса, с его серебристого сакхи и молочной кожи вниз скатилась огнистая россыпь искорок, купно покрывшая собой не только поверхность пола, но и серую кожу спины бесицы-трясавицы, кажется, еще сильнее проявив чагровость ее угловатых костей. Трясца-не-всипуха мгновенно ощутив тот жар на коже спины, благоразумно стихла, и с тем испрямившись, с невообразимой теплотой и трепетом воззрилась в лицо своего Творца.

Вежды надрывно вздохнул, всколыхав той протяжностью материю собственного сакхи и вновь опершись на ослон кресла, много мягче сказал, обращаясь к одному Седми:

– Итак, мой бесценный малецык, о чем мы с тобой давеча говорили?

– Мы говорили, брат, – нежно отозвался Седми и ласково просиял Димургу. – О нашем мальчике. У которого, похоже, сломана ножка. И так как он находится в достаточной дали от своих сродников и поселения, возник меж нами вопрос, каким образом мы можем ему помочь так, чтобы на нас не гневался Родитель и не дергался Крушец. Посему надобно сюда вызвать вельми умного и послушного моего споспешника Кукера, каковой никогда не позволит себе то, чего ноне я тут узрел.

Глава десятая

Яробор ухватился руками за корень, нависающий над ним чуток выше, и плавно подтянувшись, приподнял верхнюю часть корпуса почти до стана. В то же момент малец резко вздел левую ногу и поставил ее на поверхность корня, да не мешкая перехватился правой рукой за чуть выступающий острием валун, с которого в первый миг соскользнули испачканные в склизкой глинистости кончики перст, а рыхлая оземь немалым потоком осыпалась книзу. Слегка подтянув правую ногу, однако, не опираясь на нее, отрок переместил и левую руку на отвесную стену оврага, да придерживаясь за нее, принялся неспешно подниматься. Еще миг и пред очами прополз тот самый расщепленный в середине корень, куда и попал в свое время носок каньша, руки мальчика степенно достигли края оврага, а после их внезапно кто-то крепко ухватил. По первому за пальцы, погода переместившись к запястьем, а посем с рывком, покачивающегося Ярушку, потянули вверх, и, вытащив на берег, уложили грудью и лицом на землю.

Сладковато-хвойных дух, от устилающего почву лиственно-хвойного ковра, вдарил в нос мальчика так, что от той насыщенности аромата у него закружилась голова, и сами собой на немного закрылись очи. Мальчик уже понял, что Здебор Олесь его разыскал. И он не только не прошел испытание, не только сломал лук, но и сам пострадал, а значит в очередной раз доказал собственную ущербность. Тугой болезненностью отозвалась вся плоть Яробора и крупные слезы, переполнив сомкнутые очи, просочились через щель от прилегающих друг к другу веки, да смочили своей горькой соленостью ресницы, щеки и саму оземь. Отрок еще малеша так лежал, гулко глотая всхлипывания и орошая иссохшую хвою и листву слезами, а потом медленно опершись ладонями о поверхность земли, приподнявшись, сел...

Сел и тотчас недвижно замер. Ибо в нескольких шагах от себя увидел странное создание, в первое мгновение показавшееся мальчику вышедшим из предания.

Это был явственно старичок, только совсем замухрышечка. Низкого росточка, вероятно, ниже Яробора, сухощавого сложения али вернее сказать худобитного, каковой вельми сутулится, похоже, что даже горбатился. Хотя такового горба не имел, просто уж дюже сильно кривил спину, опускал плечи и с тем задирает угловато-торчащие лопатки, проступающие сквозь одежду. Длинные на удивление мускулистые руки, сверху были укрыты не кожей, а древовидной, бурой корой, дюже трещиноватой, прям, как у дуба. Сами руки дотягивались до щиколоток, аль может до самих беспалых, больших стоп. На круглом лице (поместившимся на сычиной голове) обильно укрытом густыми волосьми, бородой и усам бурого цвета, воочью просматривались два глаза с фиолетовыми крупными зрачками, широкой синей радужкой, и едва заметной голубоватой склерой. Крючковатым, один-в-один, как сучок, был нос создания, обвислая кожа, оттянутая на выпирающих вперед скулах, прикрывала своей мешковатой дряблостью щеки и словно покоилась на браде. С под волос на узком лбу тарачились два маханьких, точно у козлика серебристых рожка... даже не рожка, а каких-то пупырышка. На старичке восседал красный, долгополый, приталенный и расширенный книзу кафтан с глубокой выемкой ворота спереди так, что зрелась его грудь и проступающие с под кожи чагрового цвета кости. Кафтан застегивался слева направо на крючки и не имел рукавов, однако сама горловина там была украшена широкими темно-синими полосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.